

Сергей СИМАКОВ*г. Заречный,
Свердловская область*

В ПОИСКАХ ТОЧКИ ОПОРЫ

Если у тебя много точек опоры,
незачем переворачивать мир.

Михаил Туровский

Точка на карте

На планете есть удивительные места, как будто созданные для того, чтобы сбить с толку любого образованного человека. Рассказ про одно из них...

Посудите сами, зимой здесь значительно холоднее, чем в Арктике, а ураганные ветры сбивают с ног. Из этой точки рукой подать до Индии. Летом следует опасаться обморожений, но ожоги можно получить за полчаса принятия солнечных ванн. Стоит уйти от солнца в тень, и термометр может показать минус двадцать. Это не пустыня, но влажность здесь меньше, чем в Гоби. Вода закипает при 70 градусах, и её можно проверять рукой.

В этой точке очень трудно дышать, а бегать просто невозможно. Нормальное атмосферное давление здесь 300 мм ртутного столба вместо привычных нам 760 мм. Уровень снабжения крови кислородом является критически низким и составляет 60% от необходимого. Даже самый

здоровый, но неподготовленный человек, если его высадить здесь с вертолета, может умереть в течение нескольких часов.

Эта странная и страшная точка, где переплелись Арктика и пустыня, где одновременно можно сгореть и замерзнуть, где все вопреки здравому смыслу, находится за пределами России, на границе Кыргызстана и Таджикистана.

Таджики называют её пиком имени Абу Али ибн Сины (Авиценны), киргизы – пиком Манаса, русские – пиком Ленина (7134 м). Эта горная вершина – одна из «семи тысячников» бывшего СССР, высочайшая вершина Центральной Азии, находящаяся в горной системе Памира.

Объяснить, где именно эта точка, достаточно трудно. Хребет, в котором она находится, называют и Заалайским хребтом, и Чоналайским хребтом, и хребтом Каюмарс. Фактически он разделяет Памир и Алайскую долину, а пик Ленина – высшая и самая популярная вершина хребта.

Через один из перевалов Заалайского хребта – перевал Кызыл-Арт, проложен Памирский тракт, дорога, соединяющая города Ош и Хорог.

Пик – это не только точка на карте планеты, это ещё и устремлённый во Вселенную сигнал, вызов и одновременно ответ, который не поддаётся де-

кодированию человеческим разумом. Но его можно услышать, и услышавший его стремится оттолкнуться от этой точки еще выше и выше...

Лавина воспоминаний

Стоит разобраться с этой точкой поподробнее.

Мы живем лишь мгновение, которое всего секунду назад было будущим, а сейчас уже стало настоящим. «Есть только миг между прошлым и будущим, именно он называется жизнь». В памяти хранятся эти мгновения, их можно обдумывать, заново прочувствовать. Но даже в собственной памяти порой разобраться сложно, со временем стирается грань между тем, что было и чего не было, между реальностью и легендами. А когда начинаешь вспоминать – удивляешься, что многое забыто, многое стерто, многое размыто.

Казалось бы, я должен постоянно вспоминать пешее путешествие по льдам на Северный полюс. А вот не вспоминаю. И почти ничего не помню. Это – вроде выдающееся и героическое событие. Просыпаешься, в палатке -37, вылезешь из палатки, на улице -37, идешь весь день по Арктике -37. И так – каждый день. Из шестидесяти семи суток автономного путешествия по дрейфующим льдам помню только дней пять или шесть: как тонули в океане, встречи с белыми медведями, айсберг, эвакуацию вертолетом.

Человеческая память аналогична памяти компьютера. Есть оперативная память, которая обновляется по мере надобности. А есть постоянная – это жесткий диск, предназначенный хранить вечно. То, что помнит человек, это и есть важное. Когда я летел в лавине в 1983-м, перед глазами пронеслось за пятнадцать минут все: детство, отрочество, юность, и даже не пройденные университеты.

Ты взрослеешь, и вот у тебя уже недостаточная оперативная память, хорошо помнишь всё, что было давно, и плохо помнишь то, что было вчера. Это, наверное, связано с остротой ощущений. В прошлом многое было впервые.

Обостренные чувства – основа любого воспоминания. Они похожи на гвозди, вбитые в общую картину. А некоторые из них – раны, саднящие в душе... Например, когда погибают друзья, ты понимаешь, что каждый из них был единственным и неповторимым. Их уход – трагическое и очень сильное воспоминание.

Крыша мира

Памир издавна притягивал ученых и путешественников. Его отроги еще семь веков назад видел неутомимый Марко Поло. Экспедиции Федченко, Северцева и других выдающихся русских ученых открыли Памир для науки.

Вершина, о которой идет речь, была впервые описана в научной литературе в 1871 году русским географом и путешественником Алексеем Павловичем Федченко. Он и назвал её в честь Константина Петровича Кауфмана – генерал-губернатора Туркестана. В 1928 году Советская власть переименовала гору в пик Ленина.

До 1928 года этот пик считался высочайшей вершиной Памира и СССР. Но в 1928 году была снаряжена первая большая экспедиция на Памир, и после топографической съемки в районе Центрального Памира было установлено, что есть безымянная вершина выше, чем пик Ленина, названная позднее, соответственно, пиком Сталина.

Первопроход Горы совершили немецкие альпинисты Карл Вин, Ойген Альвейн и Эрвин Шнайдер во время Алайско-Памирской экспедиции 1928 года.

Сегодня на вершину проложено 16 альпинистских маршрутов, из них девять по южному склону и семь по северному. Это один из пяти советских семитысячников, то есть гор выше 7000 метров. Восхождение на все пять семитысячников дает право носить звание «Снежного барса».

Классика за облаками

Мы идем на Гору по классическому маршруту с севера через вершину Раздельная (6148 м), то есть сначала мы поднялись на вершину, спустились на перемычку, разделяющую Раздельную и Гору, снова начали подъем и поставили штурмовой лагерь на высоте 6400.

И Гора – это точка начала и завершения. С чего все началось и чем все закончится. Это точка сборки, точка, в которой все собирается воедино, точка опоры, при помощи которой Архимед, как он представлял, мог перевернуть весь мир. Хорошо было об этом Архимеду рассуждать на Сицилии. Тепло, оливки, вино, тёплое Средиземное море и на десерт – математические задачи.

А ты лежишь в палатке, и тонкая ткань отделяет тебя от ветра, снега, холода... И мириад звезд. Зачем ты здесь? Зачем ты оказался в этой точке? Ты кто? И ты куда?

Ответ не даст никто. Спит весь Памир и вся Вселенная. Бескрайнее ночное небо раскинулось над

твоей головой и, кажется, видна именно вся Вселенная до самых до окраин. И ты как будто в этой Вселенной растворяешься, ты один на один с ней, ты равен Вселенной, и ты можешь сделать здесь, вот в этой точке, всё что угодно. У тебя хватает сил, потому что помощь Вселенной безгранична, это твоя точка опоры, которую ты осознаешь в горах. Эта точка опоры позволяет вспоминать её и возвращаться к ней в своих мыслях, регулярно подпитываясь энергией космоса. Ты понимаешь, что в тот момент ты был способен перевернуть весь мир. В этот момент ты можешь, да, конечно, только ты можешь, как и Архимед в Сиракузах. Но нужна точка опоры. У Архимеда точки не было, и он в реальности не мог. Мог только теоретически. А ты знаешь, где она – эта точка опоры – и тебе все под силу.

В воспоминаниях ты можешь всегда к ней вернуться. И в памяти, под огромным звёздным небом – это точка бифуркации...

Мой друг Алексей Болотов

Гора – это прежде всего, понимаешь, друзья,
С которыми вместе по трудной дороге шагаешь.

Памирская песня.

Ю.И. Визбор

«**Л**учшая подготовка для альпинистов – это туризм». Так утверждал Леша Болотов. А он это утверждать мог – за его спиной одиннадцать восьмитысячников из четырнадцати. Без кислорода. А я пошел в альпинизм из-за Леша Болотова. Когда его трагически не стало в 2013-м, кто-то должен был продолжить его дело. Горы не могут без людей. Люди не могут без гор...

У альпинизма и туризма очень близкая техника, элементы снаряжения, умение работать с верёвкой. Кроме того, выносливость, умение очень долго носить тяжёлый рюкзак, навыки наладить быт в палатке.

Альпинизм – это командный вид спорта. Если у вас есть напарник, а лучше – двое, то вы уже готовый альпинист и можете идти в горы. А знания придут – можно читать книги по альпинизму, можно смотреть интернет-каналы, можно пойти в секцию к тренеру. Но главное – это команда единомышленников. Имейте хорошую компанию, хороших друзей для поездки в горы и желание подняться наверх, и чтобы это желание у вас никогда не пропадало, остальное зависит от вас. Всё в ваших руках, если будет желание, хорошая компания – нет ничего недостижимого.

Горы интересны как места, где ты имеешь возможность встретиться с близкими по духу людьми. Альпинизм – это образ жизни, а не только спорт. Вот спортивное скалолазание – это спорт в чистом виде. Пошёл, полазил по искусственным стенкам с искусственными зацепами – и в горы можно даже не выезжать. Можно жить своей обычной жизнью: работа, дом, тренировки. В горах ты отрываешься от цивилизации и очень тесно общаешься с ограниченным количеством людей. Обязательно это должны быть хорошие, интересные люди. Могут оказаться рядом и люди неинтересные, но тогда такое путешествие не принесет удовлетворения. Очень сложно сказать, что важнее в горах – дружеское общение или результат. Одно без другого невозможно. Так считал мой друг Леша Болотов. И он не смог не выполнить данное другу обещание подняться с ним на Эверест, без кислорода, промежуточных лагерей, связи, врача – в альпийском стиле.

Чемпионами не рождаются. Чемпионами становятся

Во время учебы в УПИ (Уральский политехнический институт) приятным дополнением к учёбе были путешествия. В те времена это называлось «самодетельным туризмом». Путешествия зарождались в «дырке», так называлось место встречи туристов на 2-м этаже «теплофака». Легендой «дырки» был Михаил Александрович Лысаков. Мало того что он был кандидатом технических наук, мастером спорта по туризму, руководителем турклуба УПИ «Романтик», еще он был грозой всех младшекурсников механико-машиностроительного факультета – он был заместителем декана.

Гремучая, на первый взгляд, смесь, на второй – выглядела вполне нормальным человеком, то есть Лысаков мог и войти в положение студента, желающего на ноябрьские праздники прогулять пару дней на Денежкином Камне на Северном Урале и заразить многих честолюбивыми замыслами быть лучшими. А мы с Лешей и стали лучшими.

В Советском Союзе регулярно проводились чемпионаты по спортивному туризму в различных классах: пешем, лыжном, водном, горном.

Путь к «лучшим из лучших» занял несколько лет. За это время Алексей окончил УПИ, начал заниматься в секции альпинизма «Луч» Оптико-механического завода, стал отцом милейшего ребенка Аркаши.

Возможность проявить себя появилась в лице Николая Антоновича Рундквиста. Его биография,

а затем карьера туриста и путешественника – стремительная и яркая, как болид, и абсолютная, с точки зрения логики. Защитив диссертацию, заняв достойное положение и приобретя достаточный туристский опыт, Рундквист начал свое восхождение с «пятерки» по Корякскому нагорью. «Летать так летать!» – вот девиз молодого Рундквиста. И через три года после первого маршрута высшей категории сложности он заявляет на чемпионат СССР сложнейший маршрут в неведомых горах Северной Камчатки. Без Алексея Болотова и Сергея Симакова, естественно, было не обойтись.

В начале 1988 года были объявлены результаты чемпионата. Мы победили с большим отрывом, без всяких сомнений, обогнав более именитых соперников. Мы стали чемпионами. Маленький жетон «Чемпион СССР» на многие годы стал украшением лацканов пиджаков победителей. Вроде как и пустячок – жетон, но с надписью «Чемпион»... самой большой страны мира. И ты идёшь с этим знаком на груди по коридорам родного вуза.

Сделать первый шаг

Оставим в Москве разговоры,
Возьмем всю наличность души,
Нам встречу назначили горы,
И мы на свиданье спешим.

Хуже, чем было, не будет.
Юрий Визбор

Сегодня в четыре утра мы выходим на Гору, где нет никого... Мы – это я, Леша и Степа. Там будем мы втроем и Гора.

Гора является одушевленной – это вам скажут многие горовосходители. Зачастую обращаются к Горе на Вы, обязательно просят ее о помощи, всегда платят дань спиртом или водкой после возвращения, а иногда и собственной жизнью. Надо понимать, что это Гора своей вершиной бороздит Вселенную, а не какие-то там космические корабли, потому как они крутятся на орбите, а Гора – именно бороздит.

Мир гор велик и бесконечен, этот мир нельзя определять рекордами и восхождениями, это, по сути, вечность, которая стала частью и нашей жизни. Или наоборот – наша жизнь стала частью этой седой вечности.

Будем надеяться, что Гора пустит нас и отпустит, Гору надо уважать, покорить ее нельзя.

Выходим ночью. Звезды, темнота, лишь только

следы тех, кто прошел впереди нас сегодня. Это четвёрка из нашего базового лагеря, и им тяжелее всего. Они поднялись до «Сковороды» за полдня и ставили палатки уже ночью. За следующий ходовой день они поднялись до Раздельной и после короткого отдыха в полночь стартовали на Гору. Почти 48 часов без отдыха они в пути. Впереди еще целый рабочий день. Набор 700 метров вертикали и спуск. Они прошли мимо нас в четыре утра, когда мы готовились к выходу, завтракали и пили чай. После таких нагрузок и большого набора высоты некоторых пошатывало от усталости, а впереди у них ещё 700 м по вертикали, это ещё десять часов работы вверх и десять часов пути спуска обратно – до палаток.

Степа и Леша

Мы познакомились на Луковой поляне, а базовый лагерь связал нас одной веревкой на многие годы. В связке ты быстро узнаешь людей. И кажется, что ты уже знаком с ними с самого детства. Это те самые парни, кому ты готов доверить свою жизнь. И это не фигура речи и не пустой звук. Это так и есть. Когда в связке в трещину срывается один, то единственная ниточка, на которой держится его жизнь, – это связочная веревка между ним и партнерами. И от того, кто они и смогут ли они, рискуя жизнью, вытащить тебя из пропасти, вот от этого и зависит твое возвращение домой.

С Лешей все понятно. И друзья общие, и город один, и горы одни. Пути пролегали рядом, но не пересекались. Горы зовут тех, чья душа им по росту. Это про него. Но с физическим уклоном. Не в смысле спорта, а в смысле физики. Один из лучших преподавателей физики в России в моем окружении, один из немногих Учителей с большой буквы.

Многие ходят в горы ради разрядов и покорения вершин, ради восхождения. Эти люди по другую сторону, они не с Лешей. Леша – горный турист. Горные туристы – это туристы с большой буквы, они прокладывают новые маршруты, смело отправляются по нехоженным местам, отлично знакомы с альпинистской техникой.

Почему-то считают, что «горцы» поджарые и сухожилистые. Леша полностью разбивает это представление. Он 30 дней взбирался на Хан-Тенгри (7010 м) по сложнейшему гребневому маршруту, изображенному на киргизской банкноте в 100 сом. За 30 дней на высоте любой поджарый может усохнуть до смерти, Леша же только слегка похудел, но это его не испортило.

В это время Степа еще в школу ходил. Но когда пришло время – ходил в правильную школу. Его коллеги по физике тоже ходили в правильные школы.

Игорь Евгеньевич Тамм – альпинист, а также выдающийся советский физик-теоретик, лауреат Нобелевской премии, создатель научной школы физиков, из которой вышли Андрей Сахаров и Виталий Гинзбург, участник атомного проекта.

Аркадий Бенедиктович Мигдал – альпинист, а также выдающийся физик-теоретик, академик, участник атомного проекта.

Марсель Шац – альпинист, участник второй французской гималайской экспедиции, покорившей Аннапурну (8091 м) под руководством Мориса Эрцога, а еще – французский физик, участник французского атомного проекта.

Степу объединяет с его коллегами-физиками главная страсть – альпинизм. «Альпинизм – это не лучший способ перезимовать лето, но желание посмотреть на мир сильнее стремления к комфорту».

А Нобелевская премия за теорию корпускулярно-волнового дуализма любви у засекреченного физика Степы еще впереди.

Как первый день рождения чуть не стал последним

Этот день мог стать последним днем рождения в моей жизни. Хотя ничто не предвещало беды... После выпускного вечера 27 июня, чуть придя в себя, 10 «б» отправился на пикник с ночевкой – в маленький турпоход, в деревню Бекленищево. Сопровождение было сугубо номинальным – два взрослых – мама Елены Черницыной и мой брат Леник, который был старше нас на восемь лет.

В этом месте река Исеть прорезает жерло вулкана палеозойского периода, сформировавшегося более 2 миллиардов лет назад. Прочные пикриты и кемберлиты, выплеснувшиеся на поверхность, сформировали скалы и порог с говорящим названием «Ревун».

Только через год я узнаю, что порог относится к одной из высших категорий сложности в водном туризме – к пятой. Прочные породы вода не смогла сточить за это время, и они сформировали ряд каменистых гряд, перегораживающих реку. Равнинная река обрела грозный порог со множеством шивер, водосливов, бочек. Общая протяженность порога – около трех километров – завораживала и поражала мощью.

Леник к тому времени окончил институт, женился, был опытным сплавщиком. Где-то в колхозе

ему подвернулись восемь мешков из-под картошки, но не тряпичных джутовых, а современных, синтетических, из белой ткани. Добавив детской клеенки в качестве внутренних воздухо-непроницаемых чехлов, Леник стал обладателем четырех баллонов. Эти баллоны, связанные два в длину и пристыкованные по одному с каждого бока, стали называться катамараном.

Сейчас-то я понимаю, что сплав на таком судне приравнивается к самоубийству, но юношеский задор отправил нас в порог «Ревун» искать приключений. Это была «русская рулетка», причем в барабане нагана было шесть патронов из семи.

На мне был детский спасательный жилет, в руках палка, а в голове ценное указание: «отталкиваться от камней...» Через минуту сплава я потерял шест, еще через минуту нас затянуло в слив, еще через минуту выбросило на камни... Мы собрали все: все камни, все сливы, все улова. Желание жить не покидало меня в течение всей нашей эпопеи – я вцепился в баллоны и под рукоплескание класса нас, ободранных, но живых, выкинуло ниже порога.

Только три года спустя я узнаю, что опытные водники, встретившиеся с подобным препятствием на реках Саян и Алтая, предпочитают такие пороги обносить по суше.

А наградой мне стала бутылка теплой водки, которую с Вадюшей Туркеевым мы поставили охлаждаться в реку. В конце июня... Хорошо, что не уплыла.

А утром в понедельник, 29 июня, я уехал из города N. Этот день рождения мог бы быть последним, но он стал первым в моей взрослой жизни.

У Пазилды

Путь на Гору начнется с заброски из душного пыльного города Ош, расположенного на равнине, в предгорье, в урочище Ачик-Таш, к Пазилде. Это крайнее место, которое доступно внедорожникам. Пазилда – киргиз, который вместе со своими многочисленными женами и еще более многочисленными детьми пасет свои стада у подножия Горы. Это его территория, состоящая из долин многочисленных ручьев, горных каменистых склонов и обширных пастбищ. Здесь преобладают три цвета – ярко-синее небо, рыже-желтая поверхность земли и белоснежные вершины, будто висящие в воздухе.

В этих местах люди жили с древнейших времен. Некоторые пришли с запада в древние времена, другие – с юга, третьих вытеснили более сильные с севера, четвертые являются потомками мест-

ных племен. Эти народы застыли во времени, попались в ловушку ущелий и каньонов, тем самым сохранив древние языки, обряды и культуру.

Одна из полян предназначена для размещения альпинистов Юрия Ермачека. Рядом расположились поляны лагерей «Аксай», «Азия Трэвэл», других команд. Поразительно – всего несколько часов пути на машине – и тебя уже окружают горные снежные вершины, приятный освежающий воздух, как будто ты телепортировался и поменял одно измерение на другое. Наверное, так оно и есть. Ты поменял привычную цивилизованную жизнь на приключения и опасности. Высота здесь всего 3600 м, еще мало, но достаточно сделать пару резких движений – и начинаешь задыхаться.

Так сказывается недостаточная акклиматизация. Мы хоть и уральские горцы, но переместились в другой горный район. В Киргизии в августе значительно жарче, чем на Урале, а в горах еще и более сухой воздух. Пропадает аппетит, плохо спишь, нарушается водно-солевой обмен, учащается дыхание, увеличивается пульс даже в состоянии покоя.

До «горняшки» еще далеко. Так на альпинистском жаргоне именуют высотную болезнь. На Памире высотная болезнь начинает развиваться с 4000 метров из-за кислородного голодания. Парциальное давление кислорода во вдыхаемом воздухе падает с подъемом на каждую сотню метров. Все это усугубляется физическим утомлением, переохлаждением, обезвоживанием, жестким ультрафиолетом, тяжелыми погодными условиями.

«Горняшка» у всех проявляется по-разному. Обычно первые симптомы – головная боль, тошнота, рвота. Редко возможна эйфория, когда тебе вдруг беспричинно становится очень хорошо. Это начальные проявления влияния высоты на организм. А дальше, если подниматься выше, появляется апатия, а иногда и агрессия. Если подниматься еще выше, то может развиваться отек головного мозга, отек легких, ну и где-то рядом – летальный исход.

Поэтому сначала требуется акклиматизация у Пазилды, затем акклиматизация в Базлаге, затем последовательно на «Сковородке» и Раздельной. Если посадить неподготовленного человека на вершине Горы, вне зависимости от того, какая у него спортивная форма, он умрет быстро. От пары минут до часа. Организм не адаптирован к высоте, «горняшка» съедает даже сильных.

Выход есть – кислородный баллон и маска. Если идти с кислородом, то практически все могут взойти на любые вершины, даже на Эверест. Все

будет зависеть от количества кислорода, которое смогут тебе поднять шерпы или гиды. Русские, как правило, ходят без кислорода, который совершенно лишний в спортивном альпинизме. Если ты готовишься к горам, тренируешься, бегаешь, ты легче переносишь высоту и у тебя нет потребности в дополнительном кислороде.

Горец Юра Белый

Пазилду знают немногие. Но все знают Горца Юру. Это самый титулованный альпинист окрестностей и «Снежный барс», мастер спорта по альпинизму, многократный чемпион и призер чемпионатов России. Таких мало, но российских обладателей международной премии «Золотой ледоруб» еще меньше.

В середине 90-х стартовала большая программа свердловского альпинизма под названием «Гималаи» под руководством Сергея Ефимова, участника советской команды первого восхождения на Эверест (8848 м) в 1982 году. В рамках программы было запланировано несколько восхождений на высочайшие точки планеты, главным же было прохождение Западной стены Макалу (8463 м).

Одним из этапов подготовки было прохождение южной стены Аннапурны (8091 м). 1996 год знают многие по фильму «Эверест» об американской трагедии на Эвересте. Ранний муссон застал горвосходителей на спуске с вершины, и часть команды погибла. Этот же муссон обрушился и на Аннапурну – пришлось и российской команде отступить, бросая палатки, веревки, снаряжение. Восхождение не состоялось, но оно позволило подготовиться к следующему году, к Макалу.

За 15 предыдущих лет было сделано восемь попыток покорить Макалу по Западной стене, но ни одна из них не увенчалась успехом. И только свердловская команда смогла пройти скальные бастионы на высоте свыше 7000 м и подняться на вершину. За победу была заплачена непомерная цена. На подъеме произошла первая трагедия – погиб Салават Хабибуллин на высоте восемь тысяч метров. На спуске погиб Игорь Бугачевский. Спуск с горы и возвращение были невероятно трудными. Все переживали за гибель друзей. В Екатеринбург экспедиция привезла два камня. Они захоронены на Широкореченском кладбище Екатеринбурга в мемориале погибшим альпинистам. Несколько могил так и остались пустыми.

Первопрохождение Западной стены Макалу признано самым знаменательным событием в

мировом альпинизме по итогам 1997 г. Международная престижная награда «Золотой ледоруб» впервые в истории этой награды была вручена российской команде альпинистов. За это восхождение Юрий Ермачек был награжден орденом Мужества.

В 2005 году военный пенсионер организовал Уральский высокогорный клуб «Горец». Каждый месяц в горах – один регион сменяется другим. Клуб приглашает на альпсборы, в экспедиции и на восхождения новичков без опыта, разрядников по альпинизму, туристов с горным опытом, спелеологов, водников и альпинистов из разных регионов России, стран СНГ и дальнего зарубежья. География очень обширная: Таганай (Южный Урал), Хибины (Апатиты, Кольский полуостров), Дугоба и пик Ленина (Киргизия), Крым, Белуха (Алтай), Эльбрус и Казбек (Кавказ), Арарат (Турция), Монблан (Франция).

В августе у Горца Юры был очередной заезд на Ленина, и мы, используя бэкграунд взаимоотношений и общих друзей, примкнули к его команде. Наша связка с позывным «Урал» получила готовую инфраструктуру на подъезде и самого замечательного повара в Базлаге Сергея Стеценко.

Юра Белый как руководитель – одновременно и играющий тренер, и выпускающий, и начспас в одном лице. А как гид – обеспечивает безопасность на маршруте, учитывает все риски, заботится о том, чтобы восходителям было комфортно в горах. Насколько горы вообще могут это позволить.

Первый срыв

Мы с Вадюшей Туркеевым удачно вписались в студенческую жизнь. От друзей по группе нас отличали умение работать с альпинистской веревкой, наличие снаряжения и готовность всегда помочь друзьям.

Помощь была особенно востребована весной и летом, когда настужь распахнутые окна создавали сквозняк, который в свою очередь с грохотом захлопывал картонные входные двери в комнаты общежития и незадачливые хозяева оставались снаружи без ключей.

Вот тут-то и наступал наш черед. С верхнего этажа проवेशивались веревочные перила, закрепленные за батарею, и кто-то из нас по стене спускался в раскрытое окно этажом ниже. Так мы зарабатывали и уважение, с одной стороны, и не забывали навыки работы со снаряжением, со второй, и неизменно получали свою заслуженную бутылку пива.

В этот майский день все было как обычно, но что-то пошло не так. Дверь захлопнулась на седьмом этаже. Этажом выше сделали станцию, провесили перила, закрепили страховку за батарею. Вадюша вышел в окно на уровень восьмого этажа. Я его страховал. Скальные туфли, сделанные из киргизских галош, хорошо держали на стене общаги, выложенной мелкими камешками. Вдруг Вадюша как бы приклеился к стене и сделал несколько шагов по стене вверх. Стена держала! Тогда эксперимент решили продолжить – Вадюша ушел в сторону и начал движение по стене между оконными проемами.

Снизу зрелище выглядело завораживающе. Веревки не было видно, и казалось, что стройный светлый мальчишка легко движется по стене. Это собрало целую толпу зевак, проходивших мимо.

Вдруг камешек вылетел из стены, Вадюша сорвался и полетел вниз, толпа ахнула. Но веревка задержала падение. Не в наших правилах было отступать. Так продолжалось несколько раз.

Камешки летели со стены. Проводив один из них взглядом, я похолодел. Внизу в коматозном состоянии, держась за сердце, стояла комендант общежития с колоритным прозвищем Кефириковна.

Стоит ли добавить, что после объяснительной из общаги полетели мы? Но впереди было лето, путешествия, а юность видит будущее чаще в позитивном варианте развития. Ну помните: «прекрасное далеко...» Ключевое слово – прекрасное. Так оно и произошло.

Горы и люди

Забавно наблюдать за людьми в горах, горы очень быстро меняют людей. Многие приезжают в горы из офисов, у них есть своя картинка, свое представление – как это должно быть и какими брутальными они будут выглядеть. Они все контролируют в своем офисе и здесь готовы все контролировать.

А не получается – сделал резкое движение, и человек понимает, что он свое дыхание контролировать не может, не может одышке приказать, чтобы она исчезла. Горы очень быстро сдувают с людей пыль и лоск. «Из кабинетного окна живая жизнь не так видна», – говаривал автор российского гимна. Остается только настоящее, ненаносное. И кто что значит – мы точно узнаем уже после Горы.

Периодически ветер разгоняет облака, и можно проследить нашу будущую дорожку до Горы – часть пути через «Сковородку», по гребешку на

Раздельную и часть подъема на вершину. Даже при самой ясной погоде на Горе бушуют ветры, мы это видим по снежным флагам, которые сильный ветер сдувает с вершины.

Развлечений немного. Мемориал первой женской экспедиции, погибшей в полном составе на Горе в семьдесят четвёртом году. Мемориал парашютистам. Поляна эдельвейсов. Луковая поляна. Это последняя трава, которую увидят альпинисты, перед тем как на несколько недель уйти вверх, где только снег, лед, скалы и ветер. Далее – набор высоты на Гору. Перед началом набора высоты установлен камень памяти с фамилиями не вернувшихся со «Сковородки» в далеком девянстом, когда под лавиной погибли 43 человека, включая весь цвет питерского альпинизма. Здесь же хоронят и останки альпинистов предыдущих лет, которые ледник периодически выносит на поверхность.

С Луковой поляны начинается путь вверх. Тропа к передовому Базлагу пробита тысячами любителей приключений. Через перевал Путешественников, спуски, подъемы и переправы тропа выводит на боковую морену ледника Ленина.

Экипировка – наше все

Чтобы зайти на Гору, нужны специальная одежда и снаряжение. На высоте ты мерзнешь, по ночам мерзнешь в квадрате, а если налетает ветер, то мерзнешь в кубе.

При восхождении мелочей не бывает. Зачастую весь успех зависит от мелочей, которым ты не придаешь значения внизу. Температура во время восхождения меняется очень резко. Тридцатиградусная жара, когда нет ветра и ты находишься среди ледяных полей, которые, словно линзы, фокусируют лучи солнца, сменяется минус тридцатью на продуваемом гребне в облаке. Современные материалы позволяют решать неразрешимую задачу – оставаться в относительном комфорте при любых погодных условиях.

Спасает термобелье, обычно я надеваю два слоя, одно – тонкое, на тело, а затем второй слой, более плотный. Это позволяет выводить влагу от тела наружу, сохранять тепло в любых неблагоприятных условиях и испытывать чувство комфорта в течение всего восхождения. Ты никогда не знаешь, в каких условиях придется работать, поэтому становится жизненно важно правильно подобрать следующий утепленный слой – это, как правило, куртка из синтетического материала полартека.

На горе будет сильный ветер, и спасает ветрозащитный комплект из гортекса. Важно, чтобы снаряжение не стесняло движения и в нем было удобно садиться, вставать, лазать, двигаться по крутым склонам, выполнять другие движения. Гортекс не промокает и спасет от мокрого снега или дождя.

Первое, что начинает мёрзнуть, это руки и ноги. На ногах в этот раз у меня двухслойные альпинистские ботинки «scarpa veга». Каждый ботинок по кило четыреста. Четвертые по счету в моей жизни. Высотные «la sportiva olympus» безвозвратно потеряны в лавине на Победе. Леша носит «koflach». Степа предпочитает «asolo». У меня тоже такие есть, но они больше подходят для скально-ледовых маршрутов на средних высотах. Высотный ботинок состоит из внешнего ботинка, очень жесткого, пластикового, к которому хорошо крепить жесткие кошки. Внутренний ботинок мягкий, в нем нога себя чувствует комфортно и находится в тепле. Приятное добавление двух пар спортивных носков позволяет не натереть ноги, даже если в день восхождения ты не переобуваешься двадцать и более часов.

На высоте ничего не делается голыми руками. При температуре минус двадцать любое прикосновение голой рукой к холодному металлу ледоруба или кошек приведет к обморожению. На руки я взял, по-моему, все, что имел, включая перчатки и варежки из флиса, верхонки из капрона для работы с веревкой и огромные пуховые рукавицы. И еще запасные перчатки, потому что это вещь, которая чаще всего улетает, и потеря рукавиц может стоить Горы, ну – или руки поморозишь.

Я стал мёрзнуть и в этот раз вместо простой пуховой куртки «sivera», которая очень лёгкая, граммов наверно пятьсот, основной пуховой взял более тяжелую и более основательную английскую «rab». Но так доставало еще пухового жилета, ну того, красного, из каландра, моего первого пухового жилета.

Передовой Базлаг

Передовой базовый лагерь, или короче Базлаг, расположен на левобережной морене ледника на высоте 4400 м под северными склонами пика Ленина и состоит из нескольких десятков разноцветных палаток.

На такой высоте все изменчиво и может перемениться мгновенно. Может налететь сильный ветер, может резко ухудшиться здоровье, может измениться погодное окно, и ты остаешься один

на один с Горой, один на один со стихией, и помощи ждать будет неоткуда. Поэтому горы – они одушевленные.

Акклиматизация продолжается, кислорода катастрофически не хватает, поэтому нет ясности мыслей, мы как будто становимся сами частью этих гор. А пока отдыхаем, травим байки, вспоминаем прошлое, цитируем песни, идет активная акклиматизация.

Любители выходят на лед, подгоняют страховочные системы и кошки, вспоминают, как передвигаться по снежно-ледовому рельефу, как пользоваться ледорубом, как ходить в связках.

Есть крутые участки, где можно пожумарить, то есть при помощи жумара, специального приспособления, подниматься по закрепленным веревкам. Вспоминают, как дюльферять, то есть спускаться по отвесным стенам дюльфером по закрепленной веревке.

Только специальное

В таком продолжительном восхождении часть пути проходится в связках, зачастую необходимо использовать перильные веревки при прохождении зоны трещин. Это определяет тот набор специального альпинистского снаряжения, который предстоит использовать. Нам не придется висеть на вертикальных стенах, поэтому страховочную систему используем легкую и прочную, на нее не должен налипать снег, и она не должна обмерзнуть. Моя система «petzl» позволяет одеваться быстро, прямо в громоздких альпинистских ботинках, вне зависимости от того, сколько на тебе надето слоев одежды. Такая беседка удобна и на скалах, и в горах. Система дополняется самостраховкой и несколькими карабинами. Это позволит безопасно работать с веревкой и всегда иметь надежную точку страховки. На беседке размещаются жумар, пара ледобуров, карабины с оттяжками.

Жумары используются на сложных участках маршрута. Это механические зажимы с удобной ручкой и кулачком, который фиксирует веревку. Жумар не идет вниз, но вверх спокойно двигается по веревке и блокируется. Это очень удобно, когда идет группа. Первый идет лазанием, провешивает веревку, закрепляет перила, а вся остальная группа уже идет по перилам для того, чтобы увеличить скорость движения.

Ледобуры вкручиваются в лед и используются для организации точек страховки.

Ледоруб позволяет поддерживать равновесие и страховаться на сложных участках, хотя многие

любят ходить с трекинговыми палками. Мне очень нравится мой ледоруб «salewa», я с ним еще на Меру-Пик (6476 м) в Непале поднимался на заре увлечения высотой. «Salewa» имеет достаточно агрессивный крюк, чтобы вырубить при необходимости ступени и надежно передвигаться по крутым склонам. Каска «redfox» защищает нас от ударов при падении, в том числе и в трещины. Все восхождение от Базлага до вершины и обратно проходит в кошках. И это тоже «salewa». Даже по скалам идешь в кошках, поскольку они заснеженные или покрыты натечным льдом. Это добавляет еще по 700 граммов веса на каждую ногу.

Мы выходим до рассвета

Выходим рано, до рассвета. Зачастую приходится стартовать из лагеря в первом часу ночи. Солнце восходит в районе шести утра, и все это время приходится двигаться с налобным фонариком. Это позволит подняться на «Сковородку» до жары, пока не раскис снег. Все остальные собираются на выход только на следующий день. Через три дня прогноз обещает окно с ветром 20-15-20 на вершине. Эти цифры – скорость ветра утром, днем и ночью в километрах в час.

Пересекли ледник Ленина. Каждый год ледник меняется, наверное, сказывается глобальное потепление, трещины становятся все более широкими, ну просто какой-то ледопад Кхумбу в Гималаях. Путь подъема на Гору как на ладони, а все окрестные хребты тонут в облаках. Кроме нас подняться на «Сковородку» много желающих, ниже нас целые вереницы фонариков, это стартуют команды из соседних лагерей.

Связываемся и начинаем подъем по центру крутого северного склона. Справа от нас ледопад, путь изобилует ледовыми трещинами. Идем очень медленно, примерно один шаг в 4 секунды. Я точно знаю, что от Базлага до «Сковородки» тринадцать тысяч шагов, а от «Сковородки» до Раздельной чуть меньше. Нам важно пройти вот эти «четыре четверти пути».

Зачастую тропа проходит по колено в снегу, иногда по пояс. Десять шагов – остановка, десять шагов – остановка. Мы связаны веревкой, в руках у нас ледорубы со стальным «клювом» и лопаткой. Они нужны как третья точка опоры, ими можно рубить ступени, задерживаться при скольжении на склонах. Некоторые используют трекинговые палки и напоминают инвалидов, медленно ползущих на лыжах. Только без лыж.

Жизнь становится очень локальной. Вот дойти

до того камня. Дошел... Вот дойти до того поворота. Пройти взлет. Перешагнуть трещину. А если трещина побольше – и жизнь становится шире – взаимодействуешь с партнерами в связке: закрепи, выдай, страховка готова. Идешь от маленькой цели до следующей маленькой цели. Ты не можешь думать, потому как голова пустая, кто был на высоте – поймет меня, кто не был, поверьте на слово. На такой высоте глубоких мыслей нет, вся кровь отлила к ногам, на мозг приходит слишком мало крови, поэтому и мыслей нет, поэтому и желудок не хочет работать, съесть что-то очень сложно. Происходит постоянная физиологическая борьба за кровь и кислород в ней между мозгом, мышцами и желудком.

Путь проходит по леднику, справа ледопад. Вот там и лежат останки цвета питерского альпинизма 90-х годов. «Сковородку» снесла лавина. Погибли 43 человека.

А в голове: какой сегодня день? Понедельник, 21? Самая жуткая комбинация в моей жизни. Пятница, 13? Точно. Пятницы, 13 я не боюсь, хотя стоило бы.

Пятница, 13

Пик Ленина – одна из высочайших вершин Центральной Азии. Памир – молодая горная система и постоянно находится в процессе изменений.

Землетрясение произошло в Афганистане, и последствия мощного землетрясения привели в движение огромные массы снега. На промежуточный лагерь вечером, когда альпинисты уже достигли места ночевки и готовились отдыхать, обрушился огромный снежно-ледовый обвал.

Лагерь на высоте 5300 метров альпинисты метко именуют «Сковородкой». Из-за огромных ледяных полей, окружающих лагерь, лучи солнца фокусируются и нагревают поляну днем. На ней жарко днем и холодно ночью. Огромная плоская снежная поляна – место ночевки перед подъемом в штурмовой лагерь на высоте 6100 метров. В течение десятилетий она считалась безопасной, но самое спокойное место на маршруте в девяностом превратилось в место трагедии.

Огромная лавина снесла лагерь и скинула его вниз, на ледопад. 13 июля 1990 года погибли 43 человека, русские, чехи, словаки, немцы, израильтяне и швейцарцы. 23 из них представляли цвет ленинградского альпинизма. Они проходили отбор участников в очередную советскую экспедицию в Гималаи.

Масштабная спасательная экспедиция мало что дала. Удалось найти тела всего четырех аль-

пинистов, все остальные остались под многометровым слоем снега и льда.

Ледник находится в постоянном движении и периодически выносит на поверхность вещи и останки погибших. Многие приезжают в горы отдать память героям и упокоить останки. По согласованию с правительством Киргизии останки погибших в девяностом году альпинистов решено было захоронить на Луковой поляне.

И снова тринадцать

4 февраля 1983 года на спуске с перевала Тринадцати в Саянах меня снесла лавина. Перевал – узенький перелаз из долины одной реки в долину другой. На седловине и разместились трое из наших. Мне, пришедшему четвертым, места не хватило, и я первым начал спуск по расщелине-кулуару. Три шага – и снег под ногами уехал, верхом на лавине я полетел вниз. Сошли лавинки из боковых кулуаров – и я в массе сыпучего зимнего снега помчался стремительно вниз. Первый резкий вдох ртом забил снегом горло, второй вдох носом забил снегом и нос. В безвоздушном пространстве кувырком я летел по кулуару. Руководитель только и успел мне крикнуть: «Зарубайся!» Это было бесполезно: сыпучий снег, на мне рюкзак килограммов тридцать, лыжи «бескиды», горнолыжные палки в руках.

Единственный раз я увидел свет – на небольшом водопадике, по инерции меня выкинуло вверх, а сыпучий снег ушел под меня. Я снова оседлал лавину и снова начал в ней тонуть. Без воздуха, без надежды выплыть. И тут лавина выкатилась из кулуара на ровный участок и начала медленно, рывками останавливаться. Лежать в лавине было и холодно, и тяжело, и дышать было нечем. Пошевелившись, я понял, что лежу не очень глубоко под снегом, но вес рюкзака не давал свободы движений. Несколько отчаянных усилий позволили высвободить руки из лямок рюкзака, а далее – пара взмахов руками позволила мне увидеть солнце. Я был на лавинном конусе. Внизу, в снежной яме, на глубине двух метров виднелся рюкзак. Оседала снежная пыль, из кулуара на меня вылетело несколько рюкзаков – это мои сотоварищи бросили свои рюкзаки вниз, не иначе чтобы добить меня. Через пятнадцать минут они появились, готовые меня откапывать. Откопали рюкзак, половину лыжи «бескид», сломанную горнолыжную палку.

Пол-лыжи распилили пополам, добавили дюралевые носки для лыж, приделали крепления. Да-

лее я продолжал путь на мини-лыжах, баз рюкзака. Растянутые рюкзаком плечи болели при каждом неловком движении. Это был путь домой.

На «Сковородке»

Тринадцать тысяч шагов позади. 5300 метров, «Сковородка». На такой высоте у многих появляются признаки горной болезни: головная боль, сильная одышка, рвота. В разреженном воздухе уже не хватает кислорода, а до вершины остается почти два километра набора высоты, и путь до нее еще далек.

База вызывает Урал, это наш позывной: «Урал, Урал, ответьте Базе».

– База, База, я Урал, мы на «Сковородке». Все нормально, завтра планируем Раздельную.

– Прогноз. Два дня хорошей погоды. Потом 80-70-80. Все выходят через два часа. Постараемся попасть в погодное окно. Как поняли? Прием.

Погода портилась. Ветер 50-45-50 – это много, но терпимо. Хотя многие в такую погоду не ходят. Ветер 80-70-80 – это очень и очень много.

Погодное окно закрывается через два дня. А до вершины еще далеко. Тем более, циклон может прийти раньше. Значит, о восхождении в этом сезоне можно будет забыть. Приходится торопиться, и принимаем решение, что после обеда мы не остаемся на «Сковородке», а уходим дальше вверх настолько, насколько сможем пройти за световой день. На гребне есть снежные участки, где выкопаем место под палатку. На скалах ставить палатку труднее, могут быть крутые участки, а на снегу всегда можно вкопаться и как-то переночевать. Поэтому со «Сковородки» мы уходим, тем более что я не люблю «Сковородку», свежие мышиные следы напоминают о трагедии.

Получив прогноз погоды, мы поняли, что у нас осталось слишком мало времени и мы обязаны идти. То есть сегодня нам надо подняться выше под Раздельную, а завтра пройти Раздельную и встать лагерем как можно ближе к Горе, чтобы за один день гарантированно сходить на нее. Или даже так: имея в запасе всего лишь полдня, сходить на Гору, потому что циклон может прийти раньше. Чем ближе мы будем к Горе, тем больше вероятность, что сходим на вершину. Поэтому сегодня рабочий день продолжается, даже если этого не хочется.

После получения прогноза-форкаста в Базлаге начался горный переполох. Все настроились на выход ранним утром, но планы пришлось срочно менять. До вершины три дня пути при благопри-

ятном раскладе, а в погодной реальности оставалось всего два с половиной хорошей погоды.

Им не позавидуешь, у них нет резерва по времени. Сегодня в лучшем случае они в темноте доберутся до «Сковородки». Придется ночью поставить палатку и рано утром выскакать на Раздельную, чтобы пройти 800 метров набора высоты. Это уже будет шестикилометровая высота, а на следующий день в полночь выходить на Гору, чтобы до двух дня быть на вершине и в темноте вернуться на Раздельную в палатки. Графику парней не позавидуешь, не все дойдут до вершины, но самые сильные, конечно, постараются поборотся. Мы их опережаем почти на полдня, у нас есть полдня форы, время за нас.

На пределе

В горах вы не встретите неуспешных людей. Ботинки, которые на мне, стоят более тридцати тысяч рублей. Пуховка – более пятидесяти. Даже пуховые варежки стоят пятнадцать. Все, что надето на мне, все, что лежит в рюкзаке, все, что осталось в палатке, стоит почти как автомобиль среднего класса. И это только экипировка. А еще затраты на поезда и самолеты, подъезды, которые зачастую значительно дороже, если вы забрасываетесь вертолетом, и, как водится, непредвиденные расходы.

А еще – поддержание себя в хорошей форме и здоровое питание тоже требуют затрат. Не говоря уже о восстановлении после путешествия и закупке спиртного, чтобы отметить успех.

Неужели эти затраты стоят того, чтобы провести месяц в горах? Несомненно!

Только здесь ты можешь почувствовать себя человеком, потому что ты получаешь максимальные ощущения от красоты гор, от общения, от новых впечатлений. Только здесь ты максимально сконцентрирован, ты стараешься просчитать каждый шаг, ты стараешься предугадать развитие событий, постоянно думаешь, и твой мозг находится на пределе возможного. Только здесь ты совершаешь максимальное количество движений, когда идешь вверх, когда спускаешься, когда устанавливаешь палатку.

И через эту работу на максималке умственных и физических сил ты получаешь максимум ощущений. А это и есть, наверное, максимальная цель в жизни.

В горах ты реализуешь все свои возможности на пределе, и это дает потрясающие ощущения полноты жизни и своей значимости. Чем труднее, опаснее, тяжелее – тем лучше.

Это и есть самореализация. У всех самореализация своя: кто-то проявляет себя в искусстве, кто-то в творчестве, кто-то в спорте, а горы – это один из способов назвать себя человеком.

Лайфхаки высоты

Преодолев крутой взлет, вышли на пологий северо-западный гребень. Набрали метров 400. Полное отсутствие видимости, ветер 40. Чтобы поставить палатку, приходится поработать час лопатой. Где воткнули палатку – не знаем. Выбирать место для ночлега было некогда. Где-то на гребне перед началом предвершинного взлета.

Ставили палатку в сильный ветер и при полном отсутствии видимости. В таких условиях ты не понимаешь, где она стоит: на карнизе, на линии отрыва, на гребне. Понятно, что мы сделали несколько шагов в ту и в другую сторону, проверили, не стоим ли на карнизе и не рухнем ли ночью на километровую глубину, и принялись утапывать площадку. Надо сломать весь верхний наст. Наст ломался легко, а под ним была снежная крупа, самое то для лавины. Мы ломали наст и понимали, что здесь мы будем ночевать и чем тщательнее подготовим место для палатки, тем у нас будет больше возможностей пережить ночь.

Непонятно, какой ветер будет ночью, насколько он усилится и какого будет направления. Поэтому палатку заглубили в снег, чтобы немного закидать края и снизить парусность.

«Foxcave», лисья пещера – хорошая палатка, устойчивая, двухслойная. Замечательно ставится вдвоем даже в очень сильный ветер. Аналогичная, только восьмиместная, была у нас в 94-м на Северном полюсе. Палатка очень просторная, если располагаться втроем, то в нее входят все рюкзаки, и это очень удобно. И она очень прочная. Эта палатка пережила с нами лавину на пике Победы, в ней мы кувыркались метров триста на леднике Звездочка и тогда потеряли все: снаряжение, ботинки, очки, газ, но остались живы мы, и осталась жива наша палатка. Только «выштопан лавины предательский след», и вновь она готова защищать нас уже под Раздельной.

Палатка на трех дугах собирается на вытопанной площадке. Достаточно закрепить ветровую оттяжку на глубоко заглубленном в снег ледорубе и наветренный тамбур на трекинговые палки, как ветер сам натягивает и устанавливает палатку по ветру.

Остается раскрепить палатку на дополнительные оттяжки и закидать наветренный тамбур снегом. Это одновременно и вода, и снижение ветро-

вой нагрузки на палатку, и покой, так как тамбур палатки не будет сильно грохотать ночью. Будет чуть спокойнее. Фанаты уюта могут прикопать края палатки снегом, чтоб было одновременно и потеплее, и ветер не задувал под палатку. Если вы думаете, что мы будем сейчас «чилить», вы глубоко ошибаетесь, до отдыха еще очень далеко.

* * *

Восхождение – это практически «маленькая жизнь». Организация быта в палатке сложна и технологична. Степа залезает первым. Не сказать, что это самая приятная обязанность. Снег рыхлый, и в его обязанности входит руками разгладить, разровнять рыхлый снег, распределить его ровно под палаткой, придать ему более ровное плоское состояние. На этой поверхности нам придется провести ночь. И в зависимости от подготовки «пола» зависит, будет ли ночь просто тяжелой и некомфортной или некомфортной до безумия.

Для этого сначала стелется пенополиуретановый теплоизоляционный коврик каремат, по нему аккуратно Степа проникает в палатку и начинает руками «угваривать» снег лежать ровно. Потом «угваривает» ладошкой, а потом кулаками.

После утрамбовки импровизированного пола, как правило, в палатку залетает мой рюкзак, затем я. Я уже снял кошки и систему и прибрал к стене палатки, чтобы завтра знать, где их оторвать под слоем нанесенного снега. На дно палатки стелются карематы, которые позволяют нормально изолировать тело ото льда.

Я сплю с наветренной стороны, у тамбура, забитого снегом, утром я встаю первым, зажигаю газовую горелку «джетбойл», варю кофе – и это самое удачное расположение для утреннего кофе парням в постель.

Заноса груды снега, в палатку залезает Леша и говорит: «Так...» Что так? Что так? Все не так! Мы не знаем, где находимся, сидим в облаке, ветер. Нам придется коротать эту ночь при жестком минусе. Как мы ее проведем – зависит только от нас, насколько хорошо мы вкопали палатку, насколько мы смогли подготовиться, мы пойдем только утром – сможем ли мы очнуться здесь или где-то в другом месте.

Между порывами ветра раздаются чьи-то голоса. Это такие же бедолаги-потеряшки, «ёжики в тумане», наши коллеги по горному счастью вкапывают палатку рядом. Ночевать будет если не теплее, то морально спокойнее.

* * *

Ложимся спать рано. Когда снаружи -20 или -25 и не работает горелка, то в палатке забортная температура. Особенно-то и делать нечего: ну, поели. Конечно, процесс это очень длительный, потому что воды нет, её приходится топить из снега. В этой воде не хватает микроэлементов, вода очень пустая, и она вымывает из твоего организма минералы и питательные вещества.

Ревет Лешин mrg-реактор, это такая штука, хоть и придуманная загнивающим западом, но позволяет экономить газ. В царстве вечных снегов нет топлива, приходится использовать газ. Газу у нас не очень много, мы взяли по полтора баллона газа на весь выход на каждого. Это единственный источник тепла. Mrg-реактор позволяет натопить воду из снега и не тратить лишнего драгоценного газа. Мы пьем много, потому что за целый день в сухом воздухе и под лучами солнца организм теряет очень много влаги. Происходит обезвоживание организма.

Мы жадно пьем холодную воду, и на предложение попить горяченького чаю Леша строго замечает, что надо пить воду холодную. Чай – та же вода, но на нее тратится драгоценный на этой высоте газ.

Остатки воды сливаются в полиэтиленовые полторашки для приготовления ужина. Затем топится вода на завтрак и на завтрашний рабочий день – надо что-то с собой взять в путь. По дороге воды не будет. Мы, окруженные снежными полями, как будто в пустыне. Твердой воды много, а жидкой мало. В течение всего дня топить воду будет негде, мы пойдем без обеда до упора. Где-то, конечно, будет короткий перекус из «ништяков», и только потом горячий ужин.

Поэтому воду мы заливаем в бутылки. У каждого их минимум две. Одна бутылка для того, чтобы там была вода на завтрак, а вторая бутылка для того, чтобы выпить ночью. Уже очень высоко, воздух очень сухой, и хочется пить практически постоянно, выпиваем много, но этого недостаточно. Горло становится сухим, как наждак, начинает мучить кашель, а от приступов сухого кашля есть один способ – это глоток воды.

* * *

Следующий горячий ужин будет очень нескоро, там, куда мы сможем пойти, а это еще очень-очень далеко. Впереди у нас Раздельная выше шести тысяч, спуск на перемычку и подъем по разрушенным скалам туда, в сторону Горы.

Мы готовим на горелке. Достаточно довести

воду до кипения и выбрать что-нибудь очень простое на ужин. Как правило – это пюре утром и каша вечером. Или наоборот. Совсем не принципиально, все равно ни то ни другое не лезет в горло. Чтобы плотно поесть, мы добавляем мясо собственного изготовления. Кусок свинины отбивается, жарится, заливается салом – и качественная тушенка упаковывается в банку. Килограмм вот такого стопроцентного готового мяса мы несём с собой. Это основной источник белка на высоте. Если его не есть, то организм готов подзакусить собственными мышцами.

Сегодня пюре с мясом, но, чтобы протолкнуть его в горло, заливаем обильно «мазью», то есть майонезом. Степа говорит, что без мази ничего в горло не протолкнешь. Ну и в финале – чай. Сколько выпьешь – все твое, хоть со сгущенкой, хоть с печенюшками, хоть с конфетами. Все зализывается в себя очень медленно.

Продукты у нас общие, так получилось, что мы едим примерно одно и то же, и даже «ништяки», это всякие сладости, у нас тоже общие. Сто граммов сухофруктов, двести граммов конфет, пачка печенья.

– База, База, я Урал. Поставили палатку ниже Раздельной на гребне. Все здоровы. Настроение бодрое. Готовимся ужинать. СК, связь кончаю. До шести завтра.

Утро будет добрым

По утрам весьма мерзко вылезать из спальника. Первому просыпаться, конечно же, противнее всех. Хоть и спишь поверхностно, хоть и снится всякая ерунда. Периодически не понимаешь, что это – сон или забытье.

Я встаю первым. У меня газовая горелка «джетбойл», и я отвечаю за глоток кофе утром. Это, наверно, то, единственное, что может заставить тебя вылезти из спальника и начать рабочий день. Хотя внешне это еще ночь, темно. Ранний подъем нужен, чтобы выйти пораньше, пока не выглянуло солнце и наст прочный. Идти хоть противно, но так легче сделать первые шаги. Плюс удлиняется рабочий день, мы не знаем, где сегодня сможем «вписаться». Это зависит от слишком многих факторов, таких как погода, самочувствие, ветер, температура.

Ты хочешь спать, ты не выспался, организм старается понежиться ещё несколько минут, но начинается рабочий день.

Первому вылезать из спальника противно. За ночь внутренний слой палатки покрылся толстым слоем инея. Мы живые, поэтому дышим, и влага

оседает на стенках палатки. Сверху сыплется иней, он попадает на теплое термобелье и сразу превращается в капли воды, это бодрит, как утренний душ. Иней красив в свете фонаря, но это лишние капли влаги, и тебе придется согреть и высушить их теплом тела.

Минус двадцать, и сразу начинаешь одеваться. Из недр спальника достаешь второе, теплое термобелье, полартек. Нашариваешь внутренние ботинки, которые ночевали с тобой в спальнике. Они влажноватые, но теплые, и на завтраке будут защищать тебя от холода, как и пуховка.

Надо собрать спальник. У меня пуховый спальник мешок весом примерно два кило, такое соотношение объема пуха и веса, наверное, самое оптимальное для температуры минус тридцать. Хуже, чем пролитый в спальник утренний кофе, ничего нет. Поэтому заталкиваешь спальник в кокон, не особенно заботясь о красоте упаковки. Спальник пуховый, вечером он снова примет свои огромные размеры.

Это одновременно и сиденье. На каремате освобождается небольшое пространство для джетбойла, и со всеми предосторожностями можно разжигать горелку. Конечно, правила техники безопасности это запрещают. Но если думать только об этом, то лучше сидеть дома.

Кофе в постель

Палатка – вещь очень нежная и пожароопасная. Чем аккуратнее обращаешься с огнем, тем больше шансов, что палатка не пострадает, и тем больше шансов на выживание. В девяносто четвертом на Северном полюсе в день аварии на Чернобыле у нас горела палатка. Ощущения запоминаются надолго, поэтому и со спичками, и с зажигалкой обращаешься аккуратно.

Аккуратно наливаешь литровую банку воды и кидаешь четыре ложки кофе. Это наш фирменный рецепт. Это один из наших лайфхаков, которые позволяют выживать на высоте. Кофе – смесь лучших сортов молотого кофе с растворимым. Молотый придает аромат, а растворимый дает гарантию, что кофе заварится в воде, которая закипает уже при семидесяти градусах.

Я аккуратно варю кофе, нельзя опрокинуть эту шаткую конструкцию из баллона, банки с водой, которые стоят на ковре. Да и я сижу не в самой удачной позе. Нельзя упустить пенку. Это дома, когда выпускаешь пенку, можно быстро вытереть и навести порядок. А здесь вытирать нечем, кофейная гуща не сделает палатку чище.

Кофе почти готов и хочет выплеснуться из банки. Надо аккуратно поймать его ложечкой и осадить гущу. Герои Джека Лондона бросали в кофе кусочек льда. Наверное, они не были знакомы с кофейными ложечками.

Парни ещё не вылезли из спальников, принимают горячие кружки, добавляют сгущенное молоко, размешивают, начинают пить и просыпаться. Первый джетбойл выпит, начинаю готовить второй. Выпит и второй, и моя работа по приготовлению завтрака выполнена.

Вода натоплена со вчерашнего вечера, вылита из пластиковых бутылок в кастрюльку, и начинаем готовить несложный завтрак: колбаса, сыр, кусочки сала, каша или что-то там вроде этого. Но ничего не хочется. Утром-то и в городе не хочется есть, а здесь не хочется тем более. Желудок не разбужен, тело не проснулось и уставшее, голова тяжелая, потому что спал ты плохо. Завтрак превращается в борьбу между не хочу и надо. Надо записать в себя как можно больше съестного, впереди целый рабочий день, он закончится у нас ближе к вечеру, гораздо выше шести километров, когда мы найдем под палатку нормальную площадку два на три метра. Но мы не знаем, когда это будет. Какое будет сегодня состояние снега: либо мы будем пробивать траншею в рыхлом снегу на Раздельную и выше, либо нам повезет – и все-таки снег под действием ветра немного слежится.

Выше пяти с половиной тысяч метров начинаешь надевать на себя все теплое. Сначала комплект теплое термобелье, затем натягиваешь полар, это куртка из специального материала, который хорошо отводит влагу и сохраняет тепло, потом пуховку и пуховые рукавицы.

Затем надеваешь еще одну шапочку, потом накинешь капюшон. Больше одежды не остается. Холод будет тебя преследовать и днем, и ночью в течение нескольких суток, обратный процесс раздевания начнется чуть ниже, где-нибудь на пяти тысячах.

В разреженном воздухе мучительно трудно дышать, двигаться, выполнять любую работу. Надеть промерзшие ботинки в таком холоде – целое искусство. Берешь внутренний ботинок, который холодный и промерзший за ночь, и начинаешь его разогревать над горелкой. Влажный, но мягкий ботинок по определению лучше, чем ледяной и замерзший.

Важно надеть его теплым, ну а потом уже нога будет его греть. Перед выходом из палатки надеваешь внешний, он пластиковый, не гнется, и поэтому приходится приложить много усилий. Снача-

ла ты садишься на спальный мешок или на собранный рюкзак, потом достанешь ботинок, расправляешь холодный пластик перед собой, разбираешь шнуровку и потом пытаешься внутреннюю ботинок заправить во внешнюю. Чтобы он, как подводная лодка, нырнул скользко и быстро. Не всегда это получается с первого раза.

Вторая попытка более мучительна, от холода судорога сводит мышцы. Приходится разминать ногу и начинать все заново. Такая несложная работа, как надевание ботинок, в горах превращается в тяжелое утомительное занятие.

Чуть выше нас – Раздельная. Вершина высотой 6100 находится на границе с Таджикистаном. Это самое популярное место для штурмового лагеря. Но сегодня мы пойдем дальше. Наш штурмовой лагерь надо максимально приблизить к вершине.

Плохое лучше, чем ничего

Еще день пути вверх, и gps-навигатор показывает 6400 метров. Мы находимся почти на тысячу четыреста метров выше вершины Казбека, на восьмисот метров выше Эльбруса!

Вечереет. Внизу плывут облака. Солнце опускается за дальние хребты. Отсюда завтра мы стартуем на вершину.

Тысячи искателей приключений проходили по этому месту. Небольшой скальный островок на гребне, ведущем на Гору. Это один из семитысячников бывшего СССР, наверное, самый простой и поэтому самый популярный. Гиды, работающие в лагерях, расположенных на леднике, шутят по-черному – очень легко проводить спасательные работы и спускать с горы или отморозженных трекеров, или их тела.

Но путь тела до этой точки на гребне далек и непрост. Путь начинается за полгода до возможного старта. Начинает что-то давить, как будто не хватает свободы. Потом появляются мечты, но они не конкретные, это мечты о чем-то хорошем. Ну вот сейчас в Свердловске-Екатеринбурге, а вообще следовало назвать город Татищевском – по фамилии основателя, заканчивается зима, скоро дни станут длиннее, солнца будет больше. И ты этого ждешь. Потом будет день весеннего равноденствия. Он обязательно будет – это же закон природы – не может быть иначе. А потом наступит отпуск. Отпуск в тот момент это ещё не отпуск – это набор ощущений, набор тепла, свободы, движения, полета, высоты.

Так. Что-то сказано о тепле? Может, Киргизия?

Свобода и движение – это точно Киргизия! Горы и высота – это точно Киргизия!!!

Но путь в Киргизию – это литры пота в тренажерном зале. Это километры бега. Это боль в мышцах ради одного – с улыбкой пробежать полумарафон. У меня есть определенные критерии – пробежал десять километров с улыбкой – готов идти на Эльбрус, пробежал с улыбкой полумарафон – готов к семитысячнику.

И ты – на точке – точке в пространстве, затерянной в космосе. Солнце, как звезда, и Земля, как планета, это потеряшки на задворках Вселенной. А ты ночью – на этом жалком ничем не примечательном каменном островке – вообще потеряшка, каких еще поискать надо.

Да и при дневном свете не становится лучше. Это только на компасе – 360 градусов, и только в песне «нам открыты все пути». А на гребне Горы есть только два направления, одно вверх, другое вниз. И оба попадают под определение «туда». «Куда?» – спрашиваешь у Леши. «Туда», – ответ. А куда это куда? И вверх, и вниз – это туда. В одну сторону легче и теплее. В другую сторону холоднее и тяжелее. Вроде одно и то же.

Но вот одно «туда» – это куда правильнее, на вершину. Все пути идут на вершину, и в горах, и в жизни. А вот другое «туда» ведет вниз. Это не туда, это «откуда».

Слава Тополь

Абсолютной безопасности в горах не бывает. В конце августа 2022-го на Раздельной погиб лучший из лучших гидов Слава Тополь. Он – легенда пика Ленина, совершивший на вершину двадцать девять восхождений. Он любил эту Гору, он знал, что она есть, была и будет всегда. Погиб также и его клиент Жора Веселовский.

Все знали, что со Славой ничего не может произойти. Его знал каждый в передовом базовом лагере, он был хранителем Горы, рядом с ним очень надежно и очень хорошо.

Альпинизм – рискованный вид спорта. И в то утро произошло роковое стечение обстоятельств – ребята отравились в палатке угарным газом. Их нашли в сидячем положении, видимо, собирались завтракать и выходить. Но не вышли. Они проснулись утром, они оделись, они вылезли из мешков, они включили газовый джетбойл и по какой-то причине надышались угарным газом. Их обнаружили с открытыми глазами. Когда люди вдыхают угарный газ, то возникает спазм сердечной мышцы и глаза открываются.

Установленные палатки постоянно в течение сезона заносит снегом. К августу они оказываются вровень с уровнем снега. Возникает нулевая циркуляция воздуха, которая не вытягивает угарные газы. В герметичной палатке лежат, дышат два человека, и к утру создается высокая концентрация углекислого газа. Даже иногда спичку в палатке утром зажечь проблематично. В атмосфере на высоте очень мало кислорода. Кроме того, большое количество угарного газа выделяет горелка. Газ скапливается, и парни его вдохнули.

Первые органы, которые поражаются при отравлении угарным газом, это головной мозг и миокард, сердечная мышца. Сердце испытывает дикую ишемию, как при инфаркте. Сердце усиливает циркуляцию крови, которая насыщена газом еще больше. У человека наступает кома из-за того, что сердце перестает работать, и мозговые клетки гибнут. Единственное спасение – это насыщение крови кислородом, которого в палатке не было.

Наверное, так это произошло. Никто не знает точных причин, которые привели к трагедии. Гора забрала лучших...

Идем к Ленину

Мы выходим ночью, потому что дойти до вершины надо до двух дня и потом начать спуск. Важное правило безопасности – если к двум часам дня мы не достигнем вершины – необходимо начинать спуск в штурмовой лагерь. Только в этом случае есть шанс добраться до палатки к темноте. Лишний час на Горе – это вероятность потеряться на снежных полях, потерять направление спуска, схватить холодную ночевку выше шести тысяч. Это прямой путь в никуда, это не наш путь.

Сегодня крайний выход наверх, и наша «упаковка» соответствует моменту. Все, что у тебя было теплого, ты надел еще на ночевке под Раздельной. И термобелье. И теплое термобелье, и спортивные носки (все три пары), и пуховку. Все специальное – подогнано, затянуто, зафиксировано. Карабины, ледобуры, жумары вщелкнуты в гнезда спасательной системы. Кусок ткани в виде трубы «бафф» закрывает все лицо. Горнолыжная маска защищает от ветра. Порой сильный ветер несет не просто снег, а ледовую крупу, иногда сдувает мелкие камешки, и они летят вверх. Поэтому в таких условиях лучше защищать лицо лыжной маской. Причем маска не сильно затемненная, иначе ночью при свете фонарика ничего не увидишь.

Рюкзак почти пустой. Ну, то есть совсем пустой, только верёвка, запас еды на один день, вода, последний полный баллон газа, джетбойл и почти разряженный сотовый телефон. Надеюсь, что я смогу сделать самый важный звонок в своей жизни.

Идем по широкому западному гребню, хрустит под ногами промороженный снег, начинается пологий взлет, затем все круче и круче вверх... К точке опоры... Но мы идем со свежими силами, насколько это возможно, – отдохнули на 6400. Снег сменяется выходами скал, скалы – льдом. Кошки прошли уже немало по скалам и затупились, но хорошо держат на льду. До начала схода лавин еще долго, но скоро восход солнца, солнце прогреет склоны, и со всех сторон они начнут грохотать.

На вершине нас ждет ветер, холод и бюст Ленина.

Эверест Сергея Тимофеева

Серега Тимофеев единственный, куривший на Эвересте (8848 м). Поднялся на вершину, сел на рюкзак, закурил. Ну и чай попивает. У российских альпинистов были очень популярны пластиковые бутылочки из-под виски Red Label. Они пол-литровые и плоские. Затаривались ими по дороге в Катманду, где-нибудь в аэропорту Шардже. Набиваешь сетчатую советскую авоську под завязку этими бутылками и тащишь такой шар в самолет. Горлышки торчат из дырок, и кажется, что на борт самолета тащат мину. Но пропускали.

Вот и сидит Серега на вершине Эвереста, курит. Попивает разбавленный чаек из фляжки. Этикетка на фляжке Red Label. Бутылка пластиковая, удобная. Наливаешь утром горячего чая и кладешь в карман пуховки. И вода рядом, и горячая. Глотнул – добавил снега. Еще глоток – еще снег. И под пуховкой снег тает, чай становится все жиже и жиже, прохладнее и прохладнее.

Сидит Серега, курит. Попивает жиденький чай. Идут иностранцы. Он им от всей русской души протягивает фляжку Red Label и предлагает: «Пейте». Иностранцы, конечно, шарахаются. До сих пор своим детям рассказывают о чудном русском, который курил на Эвересте и пил, по их мнению, Red Label.

Крепче нервы – ближе цель

Мы уже выше шести с половиной. Светает. Виден пик Корженевской, виден пик Коммунизма. Во все стороны прекрасный вид. Я люблю

горы, вне зависимости от погоды, горы красивы в любое время года. Когда они цветущие весной, летом, когда бушует зелень, осенью, когда горы красные, багряные, а также утром, днем и вечером. Я люблю высокие горы, потому что в них совсем другая цветовая гамма. Вспомните картины Рериха. Какие там невероятно чистые глубокие прозрачные и нереальные тона. Это все делает ультрафиолет, который по-другому окрашивает горы, особенно в утреннее и вечернее время, а днем, когда они в дымке, то выглядят совсем уже иначе.

Сегодня обещают последний день хорошей погоды. Завтра придет циклон, первые его предвестники уже видны – далеко на горизонте проступает полоска облаков, которые скоро накроют вершину, погоды не будет несколько недель, все базовые лагеря будут прижаты к земле, движение между промежуточными лагерями прекратится. Помощь не придет. У нас есть только один шанс подняться на вершину – сегодня. Спуститься, переночевать, а завтра бегом, бегом, бегом, пробиться сквозь непогоду и сбросить высоту. Если сбросим до Раздельной – очень хорошо, дойдем до «Сковородки» – мы большие молодцы, спустимся в Базлаг – герои. Вероятность того, что мы останемся в живых, возрастает кратно со сбросом каждого полкилометра высоты.

Мы это осознаем, потому что страх, как инстинкт, позволяет не переходить опасную грань и оставаться в рамках дозволенного нам Горой. Страх – одновременно мотиватор и ограничитель, страх – наш спаситель и страх – наш враг.

На Ноже

Подъем проходит через крутой и острый ледовый взлет, называемый Нож. Это очень узкий гребень между широкими полями Горы, ключ к вершине.

Обширное пологое снежное плато Парашютистов находится за Ножом. В 1968 году впервые в истории мирового парашютного спорта на Гору был выброшен десант советских парашютистов из 46 человек. Мировая сенсация была омрачена гибелью четырех парашютистов.

А в 2015-м плато Парашютистов для меня стало крайней точкой. Я не смог пройти дальше – не хватило времени, чтобы до двух часов дня быть на Горе. Это дедлайн – время поворота обратно. И тогда я решил остановиться здесь, чтоб полюбоваться горами. Ну, раз не получилось на вершину, ну так мы же не за этим ходим в горы!

Нужно любить то, что ты делаешь. Я люблю идти. Но надо заставить себя сделать первый шаг. Но первый шаг – это всегда первый шаг, ты заставляешь себя двигаться к цели. Вот ты дошел до камешка. И снова начинаешь с первого шага. Ты дошел до складки и снова делаешь первый шаг, и таких первых шагов за день будет очень много, а суммарно первых шагов, вторых, третьих и остальных складывается до десяти тысяч в день. И это шаги вверх.

Пологие каменистые предвершинные поля Горы перетекают друг в друга и сбивают с толку горвосходителей. Не всегда можно сориентироваться и определить, в какую сторону двигаться. Зачастую путь вниз – это путь во все стороны. Как ни парадоксально, но на Горе можно заблудиться, тем более в снежной круговерти, и не найти единственного возможного пути домой.

Когда лезешь по стене – там все ясно, ты привязан к веревке, от которой далеко не убежишь. И спускаешься также по веревке. Путь на Гору другой – он проходит по ледникам и гребням, и ты часто попадаешь в ситуации, когда не можешь правильно сориентироваться, чтобы выбрать путь. А если садится облако? Единственный помощник – gps-навигатор, приборчик, записывающий трек твоего движения на Гору. При изменении погоды, в облаке, в тумане он сможет подсказать, где ты находишься и насколько отклонился от линии подъема.

На плато Парашютистов ветер задул с удвоенной силой, стало холодно не по-детски. Идем медленно, не торопясь, наслаждаемся и движением, и погодой, и рассветом. Каждая ошибка может стать фатальной. Конечно, каждый шаг добавляет усталости, и темп потихоньку падает, ты идешь медленнее. Крутые сложные снежные участки проходишь в три такта лицом к склону еще медленнее. Медленно идешь и при порывах ветра – тоже в три такта: всегда контролируешь две точки опоры – ледоруб и нога. А в голове крутится незамысловатый мотив: «Толстые толстики рвутся напролом...»

Снег неглубокий, иногда попадают участки такого, как будто идешь по асфальту, и даже кошки оставляют еле заметные следы. Но когда заходишь на ветреные склоны, вот там начинается самое сложное, во многих местах – надувы свежего снега. Ночью его надуло, он свежий, еще не слежался и его много. Такие участки проходить очень тяжело, периодически проваливаешься. Леша более тяжелый, даже когда прошел Степа и я, Леша проваливается. Пришло время штурма

последних подступов к вершине. Солнце спешит на запад, а кажется, мы прошли так мало. Вершина еще далека.

1974, 8 августа

Сегодня 9 августа. 43 года назад без одного дня на склонах Горы разыгралась трагедия.

В начале августа 1974 года впервые в истории альпинизма женская команда начала восхождение на пик Ленина. Планировалось, что команда поднимется через скалы Липкина, взойдет на вершину, а затем спустится через Раздельную, таким образом совершит траверс.

В женскую команду входили восемь спортсменок-красавиц. Руководителем была Эльвира Шатаева. К началу 1970-х годов она была одной из самых известных альпинисток СССР. Посудите сами. Мастер спорта СССР по альпинизму, покоритель высшей точки СССР – пика Коммунизма (7495 м), руководитель женской команды на пик Корженевской (7105 м), руководитель женской команды, совершившей траверс Ушбы (4700 м) на Северном Кавказе.

Трагедия задокументирована данными радиобмена. 5 августа в 17:00 Эльвира Шатаева сообщила: «Мы вышли на вершину». База ответила поздравлениями и пожелала успешного спуска. Но со спуском у женщин возникли серьезные проблемы. В условиях сильно ухудшающейся видимости и из-за плохого самочувствия двух участниц было принято решение идти вниз по пути подъема.

Все происходило на высоте 7000 метров, к которой возможна только частичная адаптация. Это значит, что организм человека не может обеспечить себя необходимым количеством кислорода, даже наиболее важные органы и системы, и поэтому их деятельность частично нарушается, снижаются работоспособность и выносливость, нужно больше времени для отдыха. Происходит сильное обезвоживание организма, что также ухудшает общее состояние, все заболевания на такой высоте быстро обостряются.

6 августа группа разбила бивуак на предвершинном гребне. 7 августа разразился ураган, который разорвал палатки, унес вещи, в том числе примусы. К девяти вечера в живых оставалось двое.

На помощь группе Шатаевой вышел отряд советских альпинистов. Вышли еще французы, британцы, австрийцы и японцы, которые были к вершине ближе всего.

Мужчины не щадили себя, несмотря на то что видимость была почти нулевой, а ветер сбивал с ног. Но они уже ничего не могли сделать. Японцы, продвинувшиеся дальше других, вынуждены были отступить, после того как члены группы получили обморожения.

Когда ураган стих, поисковая партия нашла всех восьмерых погибших девушек. Альпинисты вырыли в снегу две могилы. Как правило, альпинисты, погибшие высоко в горах, навсегда остаются там. Операция по спуску тел чрезвычайно сложна и опасна. Но в этом случае мужчины посчитали, что не имеют права оставить погибших девушек там, среди снега и льда.

Через год была проведена экспедиция по спуску тел членов команды Эльвиры Шатаевой. Некоторых из них похоронили у подножия пика Ленина, в урочище Ачик-Таш, на Поляне эдельвейсов. Горы есть горы, они не прощают ошибок, и порой даже суперподготовленных горы забирают себе.

Ленин с нами

Степа уже спускается с вершины, спрашиваю: «Сколько?» Он говорит, что еще полчаса работы. Его лицо покрыто толстым слоем белой мази, защищающей от солнечных ожогов. В темных очках, небритый, опухший и похудевший, он идет уже вниз.

А вот и вершина. Вот бюст Ленина, с которым необходимо сфотографироваться, это своеобразный ритуал. Ниже на снегу ледорубом Степы начертано: «Галя, с днем рождения». Девятое августа. Гора – это достойный подарок Галине на день рождения. Я счастлив и нем. Начинается путь домой. Мы начинаем спуск, но перед этим я сотворяю чудо. Я достаю сотовый телефон и с высоты 7134 метра над уровнем океана дозваниваюсь до города Екатеринбурга. «С днем рождения, любимая. У меня все нормально, я еду к тебе на день рождения».

Есть на свете Екатеринбург – такой далекий и такой близкий, и есть в нем люди, которым очень важно, чтобы наша троица – атомщик Сергей, доцент Степа и Учитель Леша вернулись.

С вершин хребта открываются виды на Центральный Памир, в частности – на пики Исмоила Сомони (7495 м) и Озоди (7105 м). Важен сам процесс нахождения в горах, вершина – это не главное, это вторично, но так чертовски приятно стоять на вершине. У каждого свой результат, каждый идет за своим. На вершине тобой овла-

девает какое-то неподдельное счастье. Красота-то какая. Под тобой точка опоры. Возможно, этой точкой Земля цепляется за Галактику, чтобы вращаться вместе с ней, а то и со всей Вселенной. Иначе-то как?..

А еще есть кайф ходить в горы. Кайф от самого процесса: когда ты просыпаешься, идешь. Это удивительная тренировка силы воли. В обычных условиях ты ее никак не сможешь тренировать так, как здесь. Ты на пределе: действительно устаешь, тебе все равно нужно идти, тебе голодно, холодно, но ты с этим справляешься и возвращаешься домой. Получаешь истинное удовольствие от того, что ты сделал это.

Очень многие фильмы об альпинизме заканчиваются фанфарами именно на вершине. Бравурная музыка, вроде как все, вроде победа. Флажок какой-нибудь развевается, люди вдохновенно улыбаются простору... На самом деле это не так – победа будет там – внизу, в Базлаге. Мы поднялись на вершину в очень хорошее время, около полудня, будет время погулять на семикилометровой высоте и полюбоваться горами и засветло спуститься к палатке.

Спуск всегда тяжелее подъема, все самое важное еще впереди. Вершина Горы – это даже не половина, это чуть меньше пути. Большинство аварий и проблем случаются на спуске. Сил уже меньше, кажется, что ты уже все, что мог, сделал и ты большой молодец, а до Базлага еще идти и идти.

На спуске идешь аккуратнее, приходится гасить свою энергию, больше использовать ледоруб, опираться на него, зачастую приходится разворачиваться лицом к склону и идти на передних зубьях кошек. Без успешного спуска восхождение приравнивается к нулю.

Любовь и корпускулярно-волновой дуализм

Более века назад, в начале века XX, известный ученый Макс Планк предложил теорию, согласно которой свет может проявлять свойство не только волны, но и вести себя как частица.

Позднее эту теорию поддержал Альберт Эйнштейн. С этого момента материальные микроскопические объекты при одних условиях обязаны были проявлять свойства классических волн, а при других – свойства классических частиц. Двойственное корпускулярно-волновое поведение проявляют фотоны света, а также электроны.

Благодаря этим открытиям сегодня есть воз-

можность пользоваться таким благом цивилизации, как сотовая мобильная связь. Сотовая связь организована по принципу сот, при помощи размещения базовых станций. На Горе нет базовой станции, и в ближайших окрестностях на многие километры вокруг нет ни одной. Мы не связывались с домом уже несколько недель. Но есть нечто более мощное, что проявляет корпускулярно-волновой дуализм, позволяет творить чудеса и пронзает расстояния.

Это любовь, чувство, свойственное человеку, глубокая привязанность и устремленность к другому человеку, чувство глубокой симпатии. Любовь тоже обладает признаками дуализма и бывает двойственной – от сильных позитивных эмоциональных состояний, от самой возвышенной добродетели до самого простого удовольствия. Любовь выступает важнейшим индикатором счастья.

Люди обладают биоэнергетическими полями, и при взаимодействии друг с другом между ними возникает сила. Они либо притягивают друг друга, либо отталкивают. Взаимодействие между людьми ощущается, даже если они не соприкасаются.

По такому принципу взаимодействуют электрические заряды: одноименные отталкиваются, а разноименные притягиваются. Точно так же как магниты. Если одноименные полюсы магнитов поднести друг к другу, они будут отталкиваться. Но если поднести разноименные полюса, возникнет притяжение.

Так и между людьми, мы ищем свою вторую половинку, инь ищет янь, а янь – инь для того, чтобы дополнить свои не самые сильные стороны. Половинки дополняют друг друга не только в функциональном, но и в личностном плане, они обмениваются энергией. Я нашел свою вторую половинку – и в жизни появилась... жизнь. Единство и борьба противоположностей. Суетолог, который не даст состариться спокойно. Пример максимальной деловитости, занятости и собранности – она или собирается точить ногти, или точит ногти, или едет с ноготков. Она или собирается в бассейн, или в бассейне, или уже возвращается.

Я достаю полуразряженный телефон и начинаю его заряжать... рукой. Любовь как волна или как частица от сердца к сердцу начинает подзаряжать батарею. Вот уже десять процентов заряда, вот пятнадцать, вот двадцать... Устанавливаю связь. Сначала появляется одна палочка, затем вторая, затем режим LTE, можно звонить. Наверное, я шел на вершину, чтобы сделать этот очень важный звонок. Точно так же я дозванивался лю-

бимым и с вершины Килиманджаро (5895 м) в Африке, и со Спантика (7027 м) в Пакистане.

Мы дополнили учение Планка и Эйнштейна тем, что и любовь, важнейшее чувство, преодолевает преграды и проявляет свойства квантово-волнового дуализма.

Зашли в ту палатку

Все замечательно, мы вернулись в палатку. Первым спустился Степа и уже приготовил чай. Позднее завалились мы с Лешей, измотанные и уставшие. Был тяжелый день – прошли много и прочли безаварийно. Мы поднялись на вершину, дважды прошли острый Нож и в ту, и в другую сторону и добрались до палатки засветло. Скоро будет садиться солнце, а ночью придет циклон.

Мы в палатке. После первых глотков чая становится чуть легче, хочется только пить, есть не хочется, еда не лезет в горло. Мышцы ног выпили всю кровь, крови не достается ни желудку, ни мозгу. Поэтому мозг не очень хочет соображать, все как в тумане – медленно и заторможенно. Желудок есть не хочет, хочется воды, чаю, воды. Устала каждая клеточка измученного человеческого организма, все из-за двенадцатичасового рабочего дня на пределе и из-за обезвоживания.

Пить и только после этого – есть. Точнее, даже не есть, а запихнуть в себя силой хоть что-то. То, что идет. Энергетический гель. Конфеты. Сухофрукты. Ты заставляешь и уговариваешь себя поесть.

Становится чуть теплее, мы снимаем пуховки, начинаем снимать внешние ботинки, приходит осознание того, что мы были на Горе.

На точке опоры... Мы не стали переворачивать мир, но мы видели его с этой точки. Архимед от зависти утонул в ванне...

Я ощущаю, следовательно, я живу

И это не фантастика – это реальность, мы спустились. Состояние почти по-декартовски: «Cogito ergo sum». «Я мыслю, следовательно, я существую».

Когда ты дома, здоровый, отдохнувший, у тебя все хорошо на работе, хорошо в семье, то удовольствие доставляет сам процесс жизни. Доброе утро, добрый день и добрый вечер ждут тебя. Ты с удовольствием встаешь, проживаешь день, ложишься спать.

А сейчас – где-то далеко – за много тысяч километров твой дом. Ты в горах, на высоте, уставший,

и шансов нормально отдохнуть у тебя нет еще несколько дней. Недостаток кислорода, холодно, только тонкий каремат отделяет тебя от снега под палаткой, с тента палатки сыплется иней.

Ты не можешь уснуть из-за обилия ощущений. Ощущений очень много, и они меняют границы возможностей, усиливают инстинкт жизни в целом.

Если ты способен ощущать – ты живешь. Раз ощущений много – значит, жизнь удалась. И вроде как все ощущения отрицательные, но полнота жизни рядом с тобой.

Ощущения крайне важны. Представьте, что ощущений нет и вы не чувствуете Вселенную, вы не слышите потрескивающий на морозе шелест падающих звезд. Как жить без этого?

Ночь темнее всего перед рассветом

Солнце садится, в палатке становится холоднее, и мы начинаем упаковываться в спальные мешки. За предыдущую ночь снег под карематом чуть подтаял, и спальное место, и так не очень ровное и удобное, превратилось в стиральную доску. Ночь обещает быть тяжелой – мы, уставшие, находимся в зоне смерти.

Сегодня ночью испортится погода, завтра будет тяжелый рассвет, тяжелый подъем и тяжелые сборы на ураганном ветру. А дальше под порывами ветра только вниз. Гора пустила. Пусть Гора нас и отпустит. Гору мы не можем поблагодарить сегодня – у нас нет с собой спиртного, благодарить будем завтра, или послезавтра, или после-послепослезавтра, когда мы вернемся в Базлаг. Мы будем спешить, газа остается совсем немного, всего на один день. Но все решаемо – сначала можно будет отказаться от еды, оставив только воду, ну а потом, когда кончится газ, ну вот тогда и будем думать, но это будет нескоро. В горах устаешь телом, но душа отдыхает. Спасибо горам за то, что они есть.

За тонкими стенками палатки минус. Прекращаешь готовить, и холод начинает заползать в палатку. Остается так и упаковываться в спальник и постараться как-то скоротать ночь, потому что назвать это состояние сном нельзя. Мы находимся в зоне смерти, здесь сон – совсем не сон, а набор каких-то образов, которые приходят, сменяя друг друга. Это – друзья, события, какая-то невообразимая фантастика снится. Все это происходит в неудобном спальнике, под тобой ледяная корка с целым набором бугров и впадин, на которых очень неудобно спать. Приходится постоян-

но занимать то одну, то другую позу, плюс холодно: то сползла пуховка, то надо поправить спальный мешок, то надо смочить горло. И в таком движении проходит вся ночь, подмерзло то одно, то другое, то неудачно лег, плюс болит все тело. Почему оно болит? Да потому, что оно уже работает четвертый день подряд, ему больно и тяжело, оно устало и хочет покоя. Но пока некогда отдыхать, у нас впереди еще примерно два километра сброса высоты, а это много, это очень много, и дай бог, чтоб завтра погода простояла. Мы слушаем тишину, которая сменяется порывами ветра, непогода приближается. Мы лежим и надеемся, что палатку не сорвет ночью и что у нас будет рассвет. Усталость сильная, день был тяжелый. Хочется просто лежать, сил не становится больше, остаются ночь и мысли.

Базовый инстинкт

Многие приезжают в горы для самоутверждения. Это один из самых базовых инстинктов, который стоит в одном ряду, скажем, с базовыми физиологическими потребностями. Он определяет, как мы воспринимаем себя и взаимодействуем с окружающим миром. Самоутверждение возможно только через поступки, для самоутверждения слов недостаточно, нужен реальный, видимый, осязаемый результат.

Мы постоянно, даже невольно, сравниваем себя с окружающими, и сравниваем, что делаем мы и что делают другие. Если другие могут, то и ты это можешь, но каждый выбирает действия, которые близки ему, для которых есть знания, навыки и опыт, и, конечно, здоровье. В современном цивилизованном мире самоутверждение приняло вид бескровной соревновательности и конкуренции. Папуасы носят кольцо в носу, сегодня некоторые носят бранзулетки на груди и очень ими гордятся. Большие машины – тоже форма соревнования. «И судят по мне и тебе по нашим машинам, остатки свободы сменив на тормоз и газ».

Также для самоутверждения подходят большие дома и квартиры. Для многих формой самоутверждения являются мода, место под солнцем, искусство и прочие незлобивые занятия. Альпинисты выбирают для себя не самый плохой, мирный вид самоутверждения – через спорт.

И вдруг среди таких размышлений ты зависаешь. Вот так, лежа в спальнике. Бутылка, обычная полторалитровая пластиковая пэт-бутылка уперлась в ребро. Полная. С ней что-то связано...

Так нужно

Штурмовой лагерь для восхождения на Аконкагуа (6960 м) находится выше пяти и называется Нидо де Кондорес (5350 м). Лагерь стоит практически на перевале горной цепи Анд, а именно в хребте Главная Кордильера, с одной стороны Чили и Тихий океан, с другой стороны – Аргентина и Атлантика. Перевал является местом столкновения воздушных потоков двух океанов. И в самое благоприятное время здесь дуют сильнейшие ветра, а в неблагоприятное... Не знаю, не был.

Ветер и прижал нас перед восхождением. Палатку мы уже раскрепили всеми возможными способами, включая и камни, затащенные в палатку по углам. Порывы были такой силы, что палатку прижимало к земле, стойки гнулись, и при особо сильных порывах ветра приходилось вдвоем наваливаться на наветренную сторону, чтобы палатку не разорвало. Напарником у меня был серб Йова, высокий, сильный, настоящий. Теперь я понимаю, почему сербы бросили вызов всей Европе и США.

Под ударами ветра и так не особо уснешь, а на тонком каремате, который лежит на скальной породе, тем более. И еще эти звуки «вжик-вжиик». Всю ночь.

Наши партнеры по команде, а их было восемь, из Аргентины, Турции, пара европейцев, занимали еще четыре двухслойные палатки.

И всю ночь: «вжик» – расстегнули внутреннюю палатку. «Вжиик» – расстегнули внешнюю палатку, и человек выходит в ночь. «Вжик, вжиик» – палатки застегнули.

Через пару минут начинается обратный процесс. «Вжиик» – расстегнули внешнюю палатку. «Вжик» – расстегнули внутреннюю палатку. «Вжик, вжиик» – палатки застегнули.

А их восемь человек, и каждому надо за чем-то выйти из палатки в пургу, и не по одному разу, потому что холодно, мочевого пузырь сжался до минимума, не спится, да и делать-то больше нечего, и просто лежать жестко.

Утром, выливая желтую жижу из пластиковой полторашки, спрашиваю парней, зачем они всю ночь ходили смотреть на звезды. И оказывается, они ходят в туалет! Я спрашиваю: «Зачем?»

– А ты как в туалет ходишь?

– Вот так. – И показываю на желтую лужу на снегу и пластиковую полторашку. Прямо в спальнике.

– Ну, мы же так не умеем.

– Даже девчонки так умеют. У вас целый день впереди, наверх сегодня идти опасно, вот и учитесь лежать обращаться с бутылкой прямо в спальнике.

– А так можно?

– Так нужно!

Не знаю, как они тренировались, но ночь прошла спокойно. Наутро было очень смешно смотреть, как эти черти желтую замерзшую жидкость выколачивали из полторалитровых пластиковых бутылок. А положить теплую бутылку в ноги в спальне было сложно? Чтобы она не замерзла.

– Так можно?

– Так нужно!

В результате на гору мы сходили вдвоем с Йовой. Так было и можно, и нужно.

Ночь закончится, солнце взойдет

Ночью подул резкий ветер. Началась вьюга, жестокая памирская вьюга. Фронт циклона подошел к палатке в час ночи. Захлопал тент, загудели оттяжки палатки. Палатка простояла предыдущую ночь, в конце дня мы ее дополнительно раскрепили камнями и засыпали борта снегом. В палатке мы уверены – она выдерживала и не такое, а завтра все равно нам уходить вниз по гребню. Тишина сменилась воем метели, стало шумно, а периодически и громко.

В четыре утра нас разбудили голоса команды под руководством Миши Морячка, так называли одного гида из Северодвинска, который постоянно щеголял в тельняшке.

В полночь они вышли с Раздельной и только к четырем смогли пройти гребень. Мешали сильный ветер в лицо и поземка, было не холодно, не холоднее минус двадцати, но ветер. «Где вершина?» – задал вопрос Морячок. Степа вылез из палатки в кружево метели, чтобы посмотреть на фанатов гор, махнул рукой неопределенно: – «Там». И залез в палатку обратно. У парней оставалось два варианта. Один путь – наверх к вечной жизни, другой – вниз, к жизни земной. Потоптавшись с полчаса около палатки, у крайней жилой точки на этом бескрайнем склоне, они развернулись и пошли вниз. Для них восхождение было закончено, следующее погодное окно придет нескоро. Вершина никуда не денется, а тот, кто сегодня не дошел до вершины Горы, пусть не расстраивается, всегда есть шанс вернуться. Гора может подождать, а вот жизнь – она одна, она бесценна и ждать не может. В конце концов, не гора идет к человеку, а человек к горе...

Фонтан энергии

Каждое предвкушение выхода наверх приводит к ощущению огня в крови, кажется, что кровь закипает, ты очень давно ждал этого момента: когда же ты пойдешь туда, наверх, на Гору. В привычной жизни человек не использует всю свою энергию на сто процентов. Какое-то количество ежедневно остается, скапливается и за год не реализуется.

В сутках 24 астрономических часа, за которые Земля совершает один оборот вокруг Солнца. Биологические часы человека идут немного по-другому.

Французские спелеологи во второй трети прошлого века изучали субъективное ощущение времени. В рамках эксперимента один из них находился длительное время в пещере, в одиночестве, без часов. В таких условиях организм перестраивается на биологические часы, на промежутки времени, которые для него оптимальны.

У многих подопытных происходило изменение биологических часов с 24-часовых суток на 36-часовые. То есть человек готов 24 часа бодрствовать и 12 часов спать, что и является оптимальным при трехкратном приеме пищи.

Значит, за 24 часа остается избыток энергии примерно в одну треть суток. Наша излишняя энергия накапливается и воплощается в виде различных негативных сценариев – скандалов, ссор, войн и прочих разрушительных безобразий. В горах излишняя энергия находит мирное воплощение и не приводит к катастрофическим последствиям для человечества.

Кстати, а как там на работе? Всё ли выполняется, всё ли сделано? Да, кстати, работа. Такое неприятное слово... А я же был счастливым безработным!..

Беззаботный 2009 год

В 2008-м внезапно грянул мировой экономический кризис, хотя экономику считают наукой. Миллионы дипломированных инфоцыган с экономическим уклоном случайно его проморгали.

Исполнявший обязанности президента заверил, что Россию-то кризис обойдет стороной. Не получилось....

Курс рубля рухнул, стало непонятно, что делать. Как учил Квист: «Если не знаешь, что делать, – ничего не делай». Я перестал что-либо делать, написал заявление об увольнении, сам его подписал и к концу дня был свободен как ветер. Я стал безработным.

В том же году многие мои друзья стали безработными и организовали своеобразный профсоюз «Клуб безработных». Членство в клубе накладывало определенные обязанности – носить строгий костюм и галстук, посещать тренировки, пить виски недешевых сортов, ездить на автомобиле, соответствующем статусу клуба.

В конце февраля встал вопрос: «Где безработные будут встречать весну?» Из всех предложений лучшее было – Италия: и солнышко, и можно ночевать на зеленой травке газона. Минусом Италии была необходимость взять в прокат «Альфа Ромео 6», самый большой седан в линейке. К владельцам таких машин все полицейские относятся с пиететом и не будут мешать им бомжевать.

На этом творческие инициативы безработных не закончились. Появилась гениальная идея, как заработать 2500 евро за неделю. На Монблане (4810 м)! Если восхождение летом с проживанием в rifugio alpino стоит 5000 евро, то зимой, когда все забито снегом и нет желающих, – всего за 2500 евро. Сэкономленные деньги это те же заработанные! То есть, получается, можно было заработать 2500 евро за неделю. Колоссальные деньги для российских безработных. Караван из 12 безработных, одетых кое-как, некоторые из них и в горах-то не были, выдвинулся из французского Шемони на Монблан.

Почему все были уверены в успехе? Потому что вел Леша Болотов, он уже был на вершине однажды и знал точный маршрут через сплошные ледовые поля.

Через пару дней в приюте дю Гутэ (3817м) безработные заявили, что на 2500 евро они уже поработались и дальше пойдут только двое – Леша, который знает дорогу, и Сережа, который проснулся позже всех и не заявил, что спускается, и, соответственно, будет сопровождать Алексея на вершину. Ну не бросать же его одного, вдруг что случится...

К сумеркам мы достигли последней хижины Валло (4300 м) – металлического вагончика, который выполнял роль приюта. Вместе с темнотой пришла непогода, поднялся ветер. Ну как ветер? Тот, который поднимает тебя и относит метра на два в сторону. Мы не вышли на вершину в час ночи, не вышли в три, вышли в пять, но легче от этого не стало. Не рассвело, ветер не стих. Гребень привел нас на вершину какого-то холма. «Вершина, – сказал Алексей. – Я здесь был, знаю». Мне было безразлично, хотелось вниз, в Шемани, к беззаботным безработным, я честно заработал свои 2500 евро.

Финал был в аэропорту Мальпенса, когда пришла смс-ка от Галочки: «Сережа, прости». Безработные долго обсуждали, за что меня в очередной раз выгнали из дома. Разгадка была проста, на календаре март, Прощеное воскресенье. Гала просто попросила прощения, но до сих пор мучит вопрос: «За что?»

С 6400 на 4400

Мы отправляемся в нелегкий обратный путь. Силы на пределе. На Памире любят говорить: «Путник, помни, что твоя жизнь как слеза на реснице». Ветер сильный. Белые смерчи пляшут на гребне, жесткий снег больно режет лицо. Ветер все крепчает. Он словно хочет сдуть нас с гребня.

Метет поземка, все небо закрыто облаками, ничего не видно. На нас обрушился ветер, где-то 55 километров в час. Ветер поднимается снизу, с ледника и со склонов, приносит целые клубы снега, и складывается впечатление, что перед тобой снежная пелена. В лицо летят снежная крупа и мелкие камешки. Поглубже натягиваешь капюшон пуховки, глаза закрыты стеклами очков, лицо закрыто баффом, на руках двое перчаток, ты весь как в коконе. И все равно удовольствие ниже среднего. В приземном слое поземка всегда, если ветер сильный, поднимается на уровень твоих глаз. Вокруг тебя облака и ничего не видно.

Скалы отмечают наш путь вниз, и мы понимаем, где находимся, вероятнее всего, через пару часов мы уже увидим Раздельную, ну или, по крайней мере, выйдем на острую снежную кромку перемычки, которая будет являться нижней точкой перед коротким взлетом на Раздельную. Сброс высоты идет очень медленно, потому что сильный ветер и приходится идти на нескольких точках опоры – две ноги и ледоруб. Или две трекинговых палки и две ноги.

Я иду с ледорубом, это привычка. Шаг, ледоруб, еще шаг, снова ледоруб. Иду очень медленно, периодически на три такта, страхуя каждый шаг ледорубом. Одно неловкое движение, один сильный порыв ветра, и ты уедешь с гребня километра на полтора вниз, чтобы навсегда остаться с Горой, но это не входит в наши планы. Горе я благодарен, но я также очень хочу, чтобы она отпустила нас, хочу спуститься сегодня вниз и поэтому иду осторожно.

* * *

Дошли до Раздельной. Идея попить чаю поддержки не находит. Холодно. Может, чуть ниже? Сбросим еще метров 300. Становится чуть теплее, стихает ветер. На 5600 начинаем потихоньку раздеваться. Первыми снимаем пуховки и вторые варежки. Пить хочется, но желания топить снег нет.

Погода проясняется. Выглядывает солнце. По ослепительным полям крупнозернистого льда гуляет крепкий ветер. Снег, срываемый им, развевается белыми космами. Каждый устал, но каждый устал по-своему, и поэтому темп у всех немного разный. Степа идет быстрее, Леша чуть медленнее, но цель общая – «Сковородка».

Сбрасываем высоту и на «Сковородке» встречаем и первых людей, и воду, которая стекала со скал. Холодно, но солнце на высоте сильнее разогревает скалы, и снег нехотя превращается в струйки воды. Набрали литра полтора и наслаждались горячим чаем, приготовленным на остатках газа.

Ниже «Сковородки» пробита тропа, начинается рваный ледник, и мы связываемся веревкой. Спуск разительно отличается от подъема на акклиматизационных выходах: вроде та же самая тропа, те же самые вешки, проблемные места провешены веревками, трещины не скрыты под толстым слоем снега. Как правило, в связке идут три человека, либо пять, либо семь человек. У всех темп на подъеме низкий, недостаточная акклиматизация дает о себе знать. При спуске ты практически летишь вниз по пробитой тропе, по которой перед тобой прошло сегодня несколько десятков человек. Сверху все трещины четко обозначены, обходы видны. В связке мы будем идти несколько часов и развяжемся только перед ледником, который надо будет пересечь перед Базлагом. Хочется, чтобы мы пришли в лагерь не очень поздно, засветло. Ну, то есть не в темноте, потому что впереди пересечение ледника. Он хотя не сильно рваный, но достаточно опасный, а усталость берет свое.

* * *

С каждой минутой становится теплее, мы спускаемся все ниже и ниже и продолжаем раздеваться – сначала полартек, а когда становится совсем тепло, то снимаем и теплое термобелье.

Мы торопимся, в лагерь нас ждет ужин и специально для героев – кастрюля компота. Мы немногие из пятидесяти человек желающих, а точнее – трое из семи, которые смогли превозмочь и под-

няться в этот раз на вершину. Гора приняла нас и отпустила.

Базлаг встречает большой кастрюлей компота от бога кухни Сереги Стеценко, который из скудного набора продуктов готовит блюда, достойные ресторана, и из ничего делает плов. Это хорошая традиция, но иногда кастрюля достается десяти человекам, а нас всего трое.

За последние четыре дня мы не пили вволю, щеки ввалились, мы опухшие от солнца и похудевшие. Приятно ловить взгляды восхищения – то, что смогли сделать здоровые молодые подготовленные мужчины, сделали и мы втроем. Правильно построили график восхождения, попали в погодное окно, поднялись и безаварийно спустились. Нам хватило сил, мы правильно их рассчитали, хотя мы гораздо старше остальных и нам гораздо тяжелее.

Мы внизу и ужинаем. Оказывается, еда может быть настолько вкусной, а кислорода так много, мы буквально пьем его. Кислород растекается по всему телу, попадает в мозг, и мы начинаем более остро вспоминать и более остро ощущать запахи земли, запахи каких-то цветочков. Каждый порыв ветра приносит снизу запах тепла.

В заброске у нас несколько бутылок водки и несколько бутылок пива по полтора литра. Начинаем отмечать, не разбирая вкуса, жажда, терзающая нас последнее время, требует влаги. Мы пьем компот и запиваем пивом. Пиво запиваем водкой. Водку запиваем компотом. И так до самой темноты. Нас никто не осуждает, все понимают – победителям сегодня можно. И мы обязательно поблагодарим Гору. Леша выплескивает несколько капель на землю и говорит: «Спасибо, Гора, мы еще вернемся, спасибо, что нас пустила и отпустила. Далеко не с каждым такое бывает».

Мы промерзли, и усталость сказывается. Счастлив ты бываешь только в базовом лагере, когда тебя поздравляют с вершиной. В конце пути всегда грустно, путешествие заканчивается и задаешь вопрос и отвечаешь: «Зачем? Наверное, чтоб потом спуститься вниз и отметить!»

Мы были в одушевленном мире, в мире гор. Сверху мир кажется совсем другим, и все кажется совсем другим. Процесс всегда приводит к результату, и главный результат – это вернуться.

Точки опоры

Я не шучу. То есть практически никогда и нигде, это все не шутки. Это скорее ироничный и грустный рассказ об одном событии в моей жизни, которое навяло целый сонм воспоминаний. При-

чем все воспоминания об одном и том же: о пройденном пути, об ощущениях, ценностях, призвании, несовпадающих совпадениях, неслучайных случайностях и случаях, о поисках точки опоры.

Все это заставляет задуматься: а что я там делал? Наверное, я мог бы провести время с пользой, мог бы добиться чего-то большего, а я время потратил на какую-то ерунду. Ну, например, мог построить еще один дом, посадить еще одно дерево, вырастить внука.

Я шел на Гору, чтобы обрести точку опоры. Но ощутил и понял, что у меня таких точек много, они у меня были, но я их не замечал и не придавал значения.

Точки опоры – это ступеньки при движении в будущее. Они невидимые, но создают твердую почву для движения вперед и позволяют двигаться в правильном направлении. Особенно это важно в смутные времена, когда тревожные новости, пугающая неопределенность приводят к идеальному и, кажется, беспросветному шторму. Такие события – это проверка на прочность таких ступенек. На проверку заложенных родителями ценностей, верности школьным и студенческим представлениям о правильном и неправильном, идеям ушедших от нас друзей, искренности дружбы, истинности любви.

Эти внешние точки опоры формируют опору внутреннюю, ну – стержень такой. Ты должен опираться на прошлые знания, навыки, опыт, но не цепляться за них. Прошлое уже ушло, и его не

вернуть, а прекрасное будущее уже рядом, и надо меняться вместе с новыми реалиями. Для этого лучше поменять свое окружение, за тебя его не поменяет никто, само по себе все не наладится и не разрешится. Шука из сказки про Емелю точно не самый лучший помощник в этом. Твои точки опоры в тебе самом – ощущения, воспоминания, желание самореализации, энергия, бьющая через край, способность создавать будущее.

А сейчас у меня есть еще и Гора, как еще одна точка опоры. Гора не кажется неприступной, если смотреть с ее вершины. «Если у тебя много точек опоры, незачем переворачивать мир». Пусть он еще постоит, цепляя вершинами гор Вселенную... Я в нее заглянул.

***Екатеринбург – Заречный,
март 2024 года***

□

Сергей Павлович СИМАКОВ

родился в 1964 году в Каменске-Уральском Свердловской области.

По первой специальности – инженер-атомщик,

окончил Уральский политехнический институт.

Вторая специальность – издатель,

автор учебного пособия «Предпринимательство & издательское дело».

В настоящее время работает

директором издательства Российского государственного

профессионально-педагогического университета и является

членом правления Ассоциации книгоиздателей России (АСКИ).

В журнале «Север» публикуется впервые.

